Мара и Морок

Автор:
Лия Арден

Мара и Морок

Лия Арден

Охотники за мирами #1

Таких, как я, называют Марами – отмеченными самой богиней смерти Мораной. Когда-то у меня и моих шести сестер был свой путь.

Тогда люди нас уважали и просили о милосердии. Они приносили нам подношения и молились нам. Но 200 лет назад все изменилось, когда принц Серата осмелился поднять руку на одну из нас.

Я пыталась отомстить, но погибли мы все. Теперь правители Аракена, погрязшие в длительной войне со своим соседом Сератом, решили вернуть меня к жизни. Дать второй шанс на месть и свободу, привязав меня к тому, против кого я никогда не пойду. Таких, как он, называют Морок, и их боятся абсолютно все.

Лия Арден

Мара и Морок

© Арден Л., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

1

Я иду, стараясь не отставать и не сбавлять шага. Потому что стоит мне только зазеваться, и он вновь натянет цепи, которые прикреплены к моим кандалам на руках и металлическому кольцу вокруг шеи. А если он дёрнет слишком резко, я могу упасть прямо в жидкую грязь, в которую превратилась дорога из-за недавнего ливня. Пачкать свои новые и пока единственные одежды мне не хочется. Всё-таки эти рубашка и кафтан намного лучше тех практически разложившихся тряпок, в которых они подняли меня из могилы.

Я оглядела зевак, собравшихся по обе стороны вдоль дороги. Они хоть и жмутся друг к другу, особенно когда мы проходим мимо, но не могут подавить своего любопытства, ведь они рискнули выбраться в такую глушь в столь ранний осенний час. Небо затянуло тяжёлыми серыми тучами, и не понять, ещё утро или солнце уже перевалило за полдень. Воздух буквально пахнет приближающейся зимой, а когда они вытаскивали меня наружу за час до рассвета, дыхание с моих губ срывалось облачками пара, а под сапогами скрипел иней, покрывший траву.

На лицах людей отражается весь спектр эмоций при виде меня: от интереса и восторга до ужаса и даже отвращения. Хотя чему удивляться? Я уверена, что не каждый день им удаётся увидеть ожившего мертвеца из старых сказок. Но я не желаю быть экзотическим животным на потеху публике и низко опускаю голову, а накинутый капюшон моего плаща позволяет игнорировать чужие взгляды. Даже если бы я захотела, то не смогла бы скрыться от любопытных глаз. Среди серости моя длинная алая накидка издалека бросается в глаза. У меня вырвалась горькая усмешка, когда я поняла, что они специально нарядили меня в эти ритуальные одежды, подчёркивая, кто я есть. Да, мы носили такие вместе с сёстрами, чтобы выделяться на фоне зимы и белоснежных покровов, принадлежавших нашей богине. Но сейчас я иду по грязи, пачкая подол. Мне должно быть абсолютно на это наплевать, однако в груди липким комом затаилось недовольство.

Таких, как я, было всего семь, включая меня. Мары. Так нас прозвали. Мы, как и обычные люди, пьём, спим, боимся, умираем, кричим, когда нам больно, но мы избраны с десятилетнего возраста и отмечены самой богиней смерти Мораной. Вы особенные, говорили одни, ваше предназначение важно ничуть не меньше,

чем сама жизнь, вторили другие, забирая нас от родных семей, чтобы воспитать ради какой-то призрачной высшей цели. Хочу, чтобы они повторили это ещё разок моим мёртвым сёстрам, чья плоть уже наверняка разложилась в их общей могиле. Или, может, их просто сожгли, а только моему телу не повезло каким-то образом уцелеть.

Когда-то, возможно, так и было. Возможно, мы были особенными, но всё изменилось.

Я умерла много лет назад, и мир больше не тот, что раньше.

Он всё-таки дёрнул цепи, и я сделала один неуклюжий шаг вперёд, пачкая ботинки ещё больше. Будь это кто-то другой, я бы прошипела проклятия, и этот кто-то другой испугался бы, желая убраться от меня как можно дальше, боясь, что одна моя фраза может наслать проклятие на весь его род. Но с этим мужчиной я посмела лишь на мгновение вскинуть испуганный взгляд, наталкиваясь на чёрно-золотую маску, которая полностью скрывает его лицо, наполовину утопая в тени накинутого капюшона. Маска похожа на морду животного, скорее всего шакала, а на месте глаз – чёрные провалы. Любой засомневается, что под этой маской вообще есть лицо настоящего человека. Хотя человек ли он – это тоже спорный вопрос. Поговаривают, что под маской нет лица вовсе, что там сама тьма или же голый череп. Точно никто сказать так и не мог, потому что никому пока не удавалось выжить после того, как они узнавали правду. Таких, как он, зовут Морок. Слуга самой Тени, у которой нет ни начала, ни конца. Нет вообще ничего, кроме пустоты, тишины и бесконечного одиночества.

Я потупила взгляд, прося прощения, а потом неуклюже, с чавкающим звуком, вытащила ногу из грязи, чтобы продолжить движение. Больше я не смею на него смотреть, но чувствую его пристальное внимание нутром, как что-то тяжёлое и давящее. С нами два взвода стражи по пятнадцать человек, чтобы держать людскую толпу от меня на расстоянии. Но, мне кажется, они нам и не особо нужны, потому что никто даже под угрозой натянутой стрелы или лезвия у горла не рискнёт подойти и близко, пока Морок стоит рядом со мной. Если бы я могла, сама бы бежала от него подальше без оглядки.

«Разве могут кого-то бояться такие, как мы, отмеченные самой богиней смерти?» – когда-то спрашивала я одну из своих сестёр. И, оказывается, могут.

Таких, как Морок, боятся абсолютно все.

Именно Морок поднял меня из земли три дня назад, оживил, привязав к себе. Я дышу, пока дышит он, и только такие, как он, вообще способны на подобные чары. Никто не дал мне зеркала, и я не знаю, как выгляжу, хотя в первый же вечер сама ощупала своё лицо и не почувствовала ничего особенного, кроме того, что оно сильно осунулось. Оглядывая тело и руки, я заметила лишь, что кожа моя имеет сероватый, трупный оттенок, а когда-то длинные чёрные волосы поседели. Не красивой белизной, а серым, каким-то мышиным оттенком. Я с отвращением смотрю на свои руки, пальцы такие худые, будто кости, обтянутые кожей, и я боюсь представить, как жутко, должно быть, выглядит моё лицо. Хотя люди не разбегаются в панике.

– Чуть позже оттенок станет более живым, – бросил мне Морок несколько часов назад, когда я беспрестанно скребла ногтями кожу на кистях, будто бы я могла стереть трупную синеву.

Тогда я замерла от страха, слушая его голос. Он сильно искажается сквозь маску. Голос точно мужской, но невозможно сказать ничего о возрасте говорящего или о том, приятный это голос или нет. Я лишь успела почувствовать поднимающуюся откуда-то изнутри пустоту и холод от его слов.

– А волосы? – Надо быть идиоткой, чтобы беспокоиться о таком.

Но он ответил в последний раз:

– Волосы останутся такими.

Больше спрашивать я не стала.

– Мы пришли! – довольно громко говорит принц, останавливая своего коня, когда дорога заканчивается, а мы все подходим к опушке леса.

– ВСЕМ ОСТАНОВИТЬСЯ! – басит капитан и тоже останавливает своего коня.

Все солдаты, я и Морок замираем, а простой люд остаётся за нашими спинами метрах в пятнадцати, не смея подойти ближе.

Принц улыбнулся, поворачиваясь ко мне. Вероятно, он доволен выбором этого места, хотя я всё ещё не знаю, зачем они меня сюда притащили, поэтому не спешу разделить с ним его радость. Я оглядела полосу мрачного леса впереди. Большая часть деревьев уже осталась без листвы, а их корявые голые ветки торчат в разные стороны. Однако чуть дальше, в сумрачной глубине леса, увеличивается количество вечнозелёных елей, и невозможно разобрать, что же там прячется.

Принц ловко спрыгивает с коня и лёгким шагом идёт ко мне. В отличие от остальных, молодой мужчина без брони. На нём чёрные штаны и наглухо застёгнутый чёрный мундир, удлинённый сзади, который отлично подчёркивает его стройную фигуру. Золотая вышивка и эполеты подчёркивают статус, хотя уже по одной гордой осанке и плавной походке можно понять, что он обладает немалой властью. Не выказав какого-либо страха, он проходит мимо Морока, а тот лишь провожает его взглядом.

– Что ж, Мара, надеюсь, ты покажешь нам свою силу.

Принц говорит мягко, а улыбка касается не только губ, но и тёплых светло-карих глаз. Обращается ко мне будто с просьбой, хотя она таковой не является. На вид ему около девятнадцати лет. Тот же возраст, в котором я умерла, но он – принц, а я – его пленник и ходячий мертвец. Он кивает капитану, и тот протягивает молодому человеку меч.

– Просите меня нарубить вам дров для костра? – Я равнодушно смотрю на оружие, которое принц теперь протягивает мне.

– Обращайся как подобает к его высочеству принцу Даниилу! – угрожающе рявкает капитан.

– Всё в порядке! – всё с той же улыбкой встревает принц.

Морока, может, я и боюсь, но не этого Даниила или его солдат. Худшее, что они могут сделать, – убить меня. А в моём положении это смешная угроза. Принц делает шаг ближе ко мне и наклоняется немного вперёд, чтобы остальным было труднее расслышать:

– Позволь повторить, Агата. Я буду рад посмотреть на твои способности, – я стараюсь не показывать удивления, что ему известно моё настоящее имя. – Мне стоило больших трудов убедить отца, что твоё воскрешение нам на руку. Не заставляй меня разочаровываться. Возможно, ты уже мертва, но не забывай, что лишь одно слово, и ты отправишься в место, где будет гораздо хуже, чем здесь.

Меня прошиб озноб, и я скосила взгляд на Морока, который наверняка всё слышал, стоя ближе всех к нам. Принц Даниил прав. Одно слово, и Морок может отправить меня в Тень. Это даже не конец, это хуже.

– Что я должна сделать?

– Умница. – Довольный принц хватает мою руку и, сжимая пальцы, подтягивает ближе к себе, взмахивая другой рукой в сторону леса. – Жители рассказали, что здесь скрывается упырь, который утащил нескольких молодых девушек в лес. Упыри ведь как раз по твоей части?

– Да.

– В этой местности подобной нечисти осталось не так много, но легенды гласят, что именно Мары или Морок приходили на помощь в таких случаях, – продолжает он, не обращая внимания на мой ответ. – Сними с неё цепи, – бросает Даниил Мороку.

– Ваше высочество, разумно ли это? – встревает капитан, с опаской поглядывая на меня.

– Перестань так переживать, Дарий! А то седины прибавится! – вновь отмахивается принц, а капитан Дарий хмурит брови. – Неужели ты ничего не знаешь о том, на что способен Морок. Эти цепи лишь для вида, чтобы люди не пугались. На самом деле они ни к чему.

Морок подходит ближе и начинает снимать с меня кандалы, вначале с рук, а потом и с шеи. Я стараюсь как можно меньше нервно дёргаться, когда его пальцы, затянутые в чёрные перчатки, касаются моей кожи. Морок на целую голову выше меня. Насколько у него крупное телосложение, мне не понять, потому что тело затянуто в чёрную кожаную броню и всё скрыто чёрной, немного потрёпанной временем мантией. Но из-за наплечников под плащом он

выглядит очень внушительно. Рядом с ним мне хочется сжаться и стать как можно более незаметной.

– Чарами она привязана к Мороку и уйти далеко от него не сможет. А даже если попытается сбежать, то он сможет её выследить. Будет чувствовать её словно пёс. Верно я говорю?

Морок лишь кивает в ответ, а я облегчённо выдыхаю, когда он отходит. Не успеваю я потереть саднящую после оков шею, как принц подхватывает меня под руку и тащит к кромке леса. Он либо сумасшедший, либо идиот. У остальных хотя бы хватало ума не прикасаться ко мне.

– Агата, – он почти с нежностью тянет моё имя, – должен признать, время прошло и сейчас байками о вас пугают детей и недалёких глупцов, что не понимают истинной ценности вашей силы, дарованной Мораной.

– И что же о нас говорят?

– Хм… например, что вы ходите зимой в ночи вокруг домов и зовёте по именам, а кто откликнется на имя – умрёт. А кто-то поговаривает, что после своей смерти вы встаёте и бродите по земле со своими головами под мышкой.

Я искоса смотрю на него, пытаясь понять, выдумал ли он это прямо сейчас или люди действительно превратили нас в персонажей для ночных кошмаров.

– Но я вырос на сказках о старых временах, – спокойно продолжает принц, – о том, как вы, Мары, избавляли леса от нечисти, как обрывали нити жизней у тиранов и даровали долголетие королям, которые были благородны и добры к своим подданным. Как ярки были ваши алые мантии на фоне белоснежного леса, молочная кожа с нежным румянцем, алые губы, а волосы черны, как летняя ночь.

Я бы решила, что он насмехается надо мной, если бы не этот мечтательный блеск в глазах, устремлённых вперёд, когда он запускает руку в свои светлые, слегка прикрывающие уши, волосы.

– Я слышал, что каждая из вас была как сама богиня Морана, прекрасна и молода, будто её копия. – Принц, наконец, переводит взгляд на меня, и

восхищение сменяется снисхождением с оттенком жалости в его улыбке.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не скривиться, когда он сочувственно похлопывает своей ладонью по моей кисти, которая покоится на его согнутой в локте руке. Я бы с радостью её вырвала, но принц держит крепко.

– Как жаль, что мне уже не удастся познакомиться с тобой и твоими сёстрами, когда вы были настолько сильны и едины. Хотел бы я быть принцем, когда все сказки были явью. Но мы ещё успеем поговорить. Буду рад, если ты расскажешь мне несколько волнующих моментов из своей жизни. А сейчас, пожалуйста, избавься от упыря.

Принц Даниил останавливается на полпути между своей охраной и началом леса. В этот раз я принимаю меч из его рук и в нерешительности замираю, когда он складывает руки на груди и в ожидании устремляет на меня свой взгляд.

– Не желает ли принц отойти к своему капитану? – Мои губы едва дёргаются в улыбке, когда он понимает намёк, что ему лучше убраться с дороги.

– Пожалуй, не желает, – уголки его губ растягиваются ещё шире, показывая зубы. – Я люблю всё смотреть с первых рядов.

– Вы когда-нибудь видели упыря? – пытаюсь пристыдить я.

– Я видел живописные иллюстрации в книгах, – парирует Даниил, явно не воспринимающий ситуацию всерьёз.

– Тогда одолжите мне и свой кинжал.

Принц приподнимает бровь, понимая, что останется безоружным. Меча при нём нет. Я стараюсь подавить ухмылку, наблюдая за его заминкой. Похоже, он плохо читал свои сказки, раз думает, что кинжал поможет ему защититься от меня. Хотя и с моей стороны будет глупо даже пытаться его убить.

– Это мой счастливый кинжал, буду ждать, что ты вернёшь его мне как можно быстрее, – говорит Даниил, протягивая оружие.

– Всенепременно, – сухо отвечаю я, принимая оружие, и иду вперёд ближе к деревьям.

Упырь.

Принц Даниил всё-таки обладает, может, и неполной или искажённой информацией обо мне и моих сёстрах, но большая часть того, что он бормочет, верна. То, что мы отмечены богиней смерти, лишь звучит жутко. На деле мы приносили скорее пользу, хотя нередко в специфической форме. Мы можем упокоить то, что давно мертво, но по какой-то причине цепляется за старую жизнь и не хочет покидать этот мир. Такими как раз являются упыри, бесы, призраки, полудницы, утопленники и другая нечисть. Обычному человеку, чтобы убить того же упыря, необходимо быть быстрым. Он должен знать, что твари нужно обязательно отрубить голову и руки; знать, что нужно держаться подальше от их зубов, и первое, что нечисть делает, это целится в шею. И если человеку удастся справиться с мертвецом, то стоит его как можно быстрее сжечь, иначе все старания могут быть напрасными. И это только упырь. Для другой нечисти свои правила, каждый опасен по-своему, и мало кто из обычных людей знает, как с ними справиться. Однако такие, как я или Морок, могут сделать всё сами.

Мары способны видеть и касаться того, что не замечают другие. Мне достаточно лишь прикоснуться к тварям, и я смогу с концами оборвать их жизни, дать шанс на переход, что им не удалось завершить. Именно этим мы и занимались раньше. Отправляли неупокоенных в потусторонний мир.

Это было основной задачей всех Мар, но позже нас ввязали в политику. Мы стали обрывать жизни правителей, которые несли разрушения, тиранов, которые едва не погубили свои страны. А пару раз я слышала, как сёстры ещё до моего рождения подарили долголетие двум королям. Это тоже было в наших силах, но тогда никто не знал, что такие сведения лучше держать в тайне, иначе однажды они станут тем, что может нас погубить. И так и произошло.

Мы не бессмертные, наши задачи опасны, и немало сестёр погибло, встречаясь с нечистью. Если же Маре удаётся прожить жизнь до конца, то она будет лишь на одну вторую длиннее обычной человеческой жизни. Раньше существовал баланс, Мар всегда было семь. И как только одна умирала, сразу где-то у другой десятилетней девочки открывались способности.

Но теперь я последняя. И больше не вижу смысла платить пользой за причинённое нам зло, но вначале мне нужно избавиться от связи с Мороком, значит, какое-то время придётся быть послушной. К тому же мне интересно, ради чего они пошли на такой риск, поднимая меня из могилы. Вряд ли дело в каком-то одном мертвеце, что прячется в лесу.

Я откидываю капюшон с головы и втягиваю носом воздух, пытаясь найти упыря. Он спит, прячась далеко в глубоких тенях еловых веток в ожидании вечера, когда солнечный свет не будет его тревожить. Легко распознать запах гнили среди свежести леса и влажной земли.

Принц Даниил хочет представления, почему бы и нет.

И я затягиваю песню, тихую ритуальную молитву, наложенную на мелодию. Губы непроизвольно изгибаются в улыбке, когда, слегка обернувшись, я отмечаю, что принц и его солдаты восхищённо вздохнули как один. Не только лица, но и красивые голоса являются отличительной чертой Мар. Они нам нужны для того, чтобы мы могли петь подобные песни призыва, и твари, как под гипнозом, сбегались к нам. Это облегчает охоту, но есть и побочный эффект…

От меня не укрылось, что Морок всё понял. Его не восхищает ни голос, ни мелодия, он напряжённо опускает руки, ранее сложенные на груди, и делает несколько стремительных шагов в мою сторону. Не задумываясь, я поднимаю руку вверх, чтобы он оставался на месте, и, к моему удивлению, он послушно замирает, возможно, решая дать мне шанс.

По-честному, я сильно рискую. Мары прибегали к ритуальному призыву, только если рядом, бок о бок, стояло не меньше трёх сестёр. Однако моя собственная смерть сделала меня беспечной.

Я продолжаю напевать ещё несколько минут, растягивая ноты, чувствуя, как звук вибрирует в грудной клетке, как лёгкие наполняются воздухом, а буквы сами складываются в знакомые слова. Я чувствую, что они просыпаются. Как я и ожидала, упырь не единственный, кто услышал меня. По земле пошёл гул, отдаваясь слабой вибрацией в ногах, птицы замолчали, напуганные тварями, что решили спрятаться в их лесном доме. Я заканчиваю петь и скидываю с себя мантию, которая будет разве что мешать. Под ней у меня лишь простые чёрные штаны, рубашка и наглухо застёгнутый кафтан бордового оттенка. Ничто из

этого не спасёт меня ни от лезвия, ни от когтей и зубов, но я хотя бы смогу быстро двигаться. Я сжимаю в руках меч и кинжал, спиной чувствуя напряжённое ожидание, которое буквально давит на всех присутствующих. Выдыхаю и начинаю медленно про себя считать до тридцати, чувствуя каждый их шаг.

Девятнадцать…

Двадцать…

Двадцать один…

– Дорогая Агата, – протянул за спиной Даниил, уставший ждать.

Двадцать три…

– Ты пойдёшь в лес или тебе требуется помощь? – В его голосе появилась тонкая насмешка.

Двадцать четыре…

Двадцать пять…

Первый выныривает из тени деревьев быстрее, чем я рассчитывала. Мерзкое создание, больше похожее на демона, чем на человека. Тонкие руки и ноги с когтями, серая кожа с неприятным зелёным оттенком плотно обтягивает кости, а рот полон острых зубов. Я преграждаю ему дорогу, когда он пытается ринуться в сторону солдат. Уклоняюсь от его когтей, ныряя под протянутую руку, и, оказавшись сзади, размашистым ударом вонзаю лезвие меча в сгиб между шеей и плечом. Меч входит в его плоть с отвратительным звуком ломающейся ключицы и рвущейся кожи. Тварь, споткнувшись, падает. Всё произошло так быстро, что никто и не успел вскрикнуть, но я вижу, как побелело лицо принца, когда он смог рассмотреть сморщенную кожу упыря, который теперь лежит лицом в жухлой траве. Он старый, давно бродит по земле, а его кожа и клочки оставшихся волос и вправду отвратительны. Я наклоняюсь, чтобы быстрее завершить дело, показать настоящее колдовство, потому что воткнуть меч в тварь может любой из присутствующих. Касаюсь пальцами шеи упыря и

ухватываю их – сверкающие, переливающиеся, словно бледное золото, нити, тянущиеся вдоль позвоночника. Нити жизни.

Именно это – наш особый дар, при желании мы можем их видеть, можем вытащить и укрепить, а можем оборвать. Их должно быть три, но у живых мертвецов всегда одна или две уже разорваны. У этого упыря до сих пор целы две. Я выпрямляюсь, сжимая сверкающие нити в кулаке как трофей, натягиваю их до возможного предела, позволяя и обычным людям их увидеть. А потом, встречаясь с взглядом карих глаз принца, который не сдерживает восхищения, рву нити рукой, резко дёргая вверх. Тело упыря содрогается и вновь затихает уже навсегда, а нити исчезают.

Руку саднит после этого, на ладони появились два глубоких пореза, но кровь почти не выступает, потому что сердце не работает и не гоняет красную жидкость по моим венам. Я скрываю порезы, сжимая ладонь в кулак. Мне стоило просто перерезать нити кинжалом, как мы делали всегда. Но я специально сделала это руками на глазах у Даниила, чтобы он знал, что при желании я и его жизнь оборву с такой же лёгкостью. Я надеялась, что он ужаснётся, но в глазах принца загорается живой интерес, а лицо озаряет почти счастливая улыбка, улыбка человека, который нашёл алмаз вместо кварца. Я не успеваю задуматься над этим, как из леса выскакивает ещё один упырь. Поворачиваюсь к нему, теперь сжимая один лишь кинжал, ожидаю, что он бросится ко мне. Но тварь игнорирует меня, резко уходя в сторону. Я едва успеваю развернуться и швырнуть кинжал в голову нечисти, и та падает прямо под ноги принцу, не добежав до него буквально пары метров.

Отдаю должное королевскому наследнику, в обморок он не рухнул. Только сделал несколько шагов назад, но от улыбки и след простыл.

– Богиня… – выдыхаю я, понимая свою ошибку.

Мы переглядываемся с Мороком. Я не могу видеть его лица или понять, что он чувствует, но у меня ощущение, что мы оба подумали об одном и том же. Я рассчитывала, что все твари будут нападать на меня, так как я ближе всех к линии леса, но я забыла, что сама ходячий труп. А нежить тянется к горячей крови. Я подбегаю ко второму упырю, вытаскиваю кинжал из его тела и перерезаю нити, чтобы он вновь не встал.

– Стоит ли мне волноваться, Агата? – натянуто спрашивает принц.

– Что вы, ваше высочество! – вру я, криво улыбаясь. – Или уже желаете сменить первый ряд на последний?

Он не успевает ответить, когда из леса начинают выходить новые твари. Хотя среди них ещё лишь один упырь и три призрака. Со вторыми проще, вероятно, это даже души тех, кого упыри смогли утащить в лес. Но меня удивляет Морок, который выходит вперёд, чуть в стороне, чтобы твари вначале обратили внимание на него, а не на принца. Вероятно, он может справиться с нежитью голыми руками при желании, но мужчина поворачивается ко мне и кивает, ожидая… что я буду его защищать? Помогает мне, давая справиться в одиночку?

Может, у громилы есть немного сострадания ко мне, той, которой нужно доказать свою полезность королевскому отпрыску, чтобы он не решил, что моё воскрешение было бесполезной затеей?

Моя догадка подтверждается, когда твари кидаются к нему, а он и головы не поворачивает, продолжая смотреть на меня. Будь он не столь опасен, я бы закричала на него, покрывая самыми изысканными бранными выражениями, но я едва успеваю добежать, чтобы перехватить первого призрака, который тянет длинные руки к мужчине. С призраками проще, потому что их тела не настоящие, а мягкие, будто из слишком плотной энергии. Они ранят не столько руками, сколько сводят с ума при прикосновении, но на таких, как я, их сила не действует, и я просовываю руку с кинжалом прямо сквозь тело призрака, разрезая нити вдоль позвоночника.

Я задерживаю дыхание, чтобы не чувствовать смрад, но склизкие ощущения на руке, которая прошла сквозь его тело, и мерзкий трупный вид делают своё дело – к горлу подступает тошнота. Призрак растворяется как раз в тот момент, когда упырь прыгает на Морока, и я, сделав безрассудный шаг, загораживаю мужчину собой. Не позволяю себе вскрикнуть, лишь шиплю, когда нежить впивается мне в одно плечо зубами, прокусывая его насквозь и ломая какую-то кость. Я надеялась, что не буду чувствовать боль, но как бы не так. Боль почти как настоящая, как при жизни. Во второе плечо тварь вгоняет мне свои когти, повисая на мне, как огромная пиявка. От его мерзости внутри поднимается волна злости, и я отрываю упыря от себя, разрывая свои же раны и увеличивая боль. Как только мне удалось его сбросить, сразу пинаю тварь и втыкаю нож ему в шею. С остальными двумя призраками я разбираюсь быстрее, а потом

проверяю, чтобы у каждой нечисти были перерезаны нити жизни. Призраки сразу исчезают, растворяясь в воздухе, а вот упыри остаются лежать смердящими кучами костей и плоти.

Я замираю с тяжёлым дыханием, понимая, что на сегодня это всё. Из леса больше никто не собирается вылезать. Как могу, я оглядываю плечи, отмечая испорченную одежду, разорванные раны, сквозь которые видно повреждённые мышцы. Крови больше, чем на ладони, но обильного кровотечения нет. Однако боль всё ещё пульсирует, а руки начинают неметь. Морок с таким равнодушием смотрит на мои повреждения, что я не могу сдержаться и бросаю на него злой взгляд.

– Это было потрясающе! В одиночку убить стольких! – Принц Даниил почти аплодирует, ослепляя своим довольным выражением лица.

Мне хочется воткнуть его же кинжал ему в карий глаз, чтобы стереть очаровательную улыбку, но вместо этого протягиваю оружие, возвращая его хозяину. К нам подбегает капитан Дарий со своими солдатами, проверить, всё ли хорошо с принцем.

– Сожгите трупы, – бросаю я капитану, и тот отдаёт приказ нескольким солдатам.

Даниил принимает мою красную мантию от одного из солдат и, подойдя ко мне сзади, как джентльмен накидывает её мне на плечи, скрывая мои жуткие раны.

– Мне больно, – тихо признаюсь я.

– Так и должно быть? – Принц удивлённо смотрит на Морока.

– Да. Но через пару дней всё заживёт. – Голос низкий и ровный, без каких-либо эмоций.

– Как? Я же… мертва… моё тело не заживает.

Морок вновь поворачивается ко мне, и я жалею, что поинтересовалась.

– Наша связь. Тебя вылечит моя жизненная сила, та же, благодаря которой ты вообще ходишь и болтаешь.

Я прикусываю язык, морщась от боли. Хочется ещё спросить, когда раны перестанут ныть, но я не решаюсь испытывать его терпение.

– Вы удовлетворены представлением, принц? – Я пытаюсь скрыть своё презрение, сохраняя ровный тон.

– Более чем, дорогая Агата! – Он с нежностью обхватывает мою ладонь обеими руками. – А теперь самое время, чтобы привести тебя в порядок и представить моему отцу.

2

220 лет назад

– Какая удача!

– Эта семья благословлена!

– Отмеченные дважды!

Шепчутся селяне, собираясь вокруг дома, когда в самом начале зимы шестеро Мар в своих красных мантиях пришли, чтобы встретить новую сестру, и я среди них. А всё потому, что одна из нас умерла неделю назад от старости. И только это произошло, как мы все почувствовали появление новой сестры, что займёт место старой. Это мой первый раз, когда я среди тех, кто приветствует нового члена семьи.

Уже несколько дней как начался первый месяц зимы, а первый снег выпал удивительно поздно. Длительное время окружающий пейзаж был в серо-коричневых тонах, а земля покрыта полусгнившей листвой да грязью от частых дождей, но стоило нам отправиться в дорогу, как пошёл снег. Валил весь день, а

потом и всю ночь, накрывая мир белым покрывалом и усложняя нам путь.

Когда мы добрались до этой деревни, уже перевалило за полдень. Небо до рези в глазах голубое, солнце стоит высоко, и его лучи отражаются от белоснежного покрова. Все жители замирают, когда мы проходим мимо в своих алых плащах, а свежий снег скрипит под нашими сапогами. Мне тринадцать лет, и до этого дня я была самой младшей.

Марой я стала три года назад, через неделю после своего десятилетия. Так же, как это происходит со всеми. Только у десятилетних девочек с чёрными волосами открываются способности.

– Ты рада, Агата? – спрашивает меня Ирина, за чью руку я цепляюсь.

Ирина – моя наставница, именно она несёт ответственность за моё обучение. Ей около семидесяти лет, но по виду можно дать максимум тридцать. Мары живут дольше обычных людей, до девятнадцати лет мы растём как обычные люди, а потом наше старение сильно замедляется. Так мне рассказали. Поэтому даже самая старшая из нас, которой исполнилось сто двадцать три, выглядит лишь на пятьдесят.

У Ирины, как и у других Мар, длинные чёрные волосы, красивое лицо и приятная улыбка.

– Я волнуюсь, – бормочу я. – Ты знаешь, кто она?

– Нет.

– А когда вы пришли, чтобы забрать меня? Тоже не знали?

– Не знали. Ты же чувствуешь это, нить… мы все её чувствуем, как будто она зовёт, – улыбается Ирина, когда я киваю, соглашаясь. – И мы идём за ней, пока не найдём новую сестру.

– Почему вокруг шепчут странное? – вновь насупилась я, оглядываясь по сторонам.

Мне с детства не нравилось пристальное внимание незнакомых людей, но теперь из-за своей одежды и способностей я всегда на виду, меня замечают все, куда бы я ни пошла.

– Кто знает… может, они догадываются к кому мы идём, – загадочно улыбается наставница.

Мы подходим последними, когда уже остальные сёстры встали перед нужным домом. Никто из нас не станет входить, все и так знают, что означает наш приход, и сейчас родители девочки, скорее всего, кутают свою дочь в тёплые одежды и собирают ей еды в дорогу… прощаются. Всё то же самое, что делали мои родители несколько лет назад. С тех пор я их ни разу не видела.

Даже если бы я захотела, я бы не смогла, потому что они покинули нашу родную деревню. Ещё одно из правил. После того как девочку забирают, её семья должна уехать. Это сдерживает новоиспечённых Мар от желания сбежать обратно в родной дом в первые несколько лет жизни в храме до того, как они привыкнут к новой семье.

Нельзя сбежать к родителям, если не знаешь, где они находятся.

Селяне тоже начинают собираться вокруг избранного дома за нашими спинами, они ждут, с интересом поглядывая на пока ещё закрытую дверь. Кто-то вслух гадает, насколько красивой станет девочка. Все уверенны, что у неё будет молочная кожа и чёрные волосы под стать Моране. А вот глаза у всех Мар разные, здесь нет единства, хотя говорят, что у богини Мораны они карие, почти чёрные. У Ирины глаза светло-карие, у Киры – зелёные, такие красивые и яркие, как свежая трава, а у меня – голубые, холодные как лёд, говорила мама. Как красивый, полупрозрачный лёд.

Сестры стоят молча, терпеливо ожидая, когда семья будет готова. Я единственная переступаю с ноги на ногу, пытаясь согреться. Оглядываю небольшой огород перед одноэтажным простым домом, покатая крыша которого, как и всё вокруг, покрыта толстым слоем снега, отчего деревянные стены здания кажутся почти чёрными. Окна в доме занавешены, поэтому возможности рассмотреть что-либо внутри нет. Из печной трубы валит густой белый дым, указывая, что хозяева дома. К тому моменту, как дверь начинает открываться, мои руки уже озябли. Я в последний раз выдыхаю облачко пара на

свой сжатый кулак и только потом поднимаю взгляд.

– Мама…

Ирина сжимает мою левую ладонь, которую держит до сих пор, но она не сопротивляется, когда я вытаскиваю руку и делаю несколько шагов вперёд.

– Агата, – мама тихо всхлипывает, замечая меня в толпе.

Я с недоверием смотрю на отца и маму, которые теперь стоят на пороге, как и я, не решаясь сделать шаг навстречу. Не зная, позволено ли это. Ещё раз я оглядываю дом, не зная, чему верить, не понимая, как такое возможно. А потом за их спинами я вижу свою младшую сестру, одетую в зимний синий кафтан, утеплённый мехом. Мы никогда не были богаты, скорее даже бедны. И этот кафтан хоть и простоват, но наверняка самое нарядное, что есть у моей сестры. А синий цвет так подходит к её глазам, они почти как у меня, только темнее и похожи на насыщенную синеву неба. Мама часто говорила в детстве, что мы с ней красивы. Но уже тогда я знала, что это неправда. Моя сестра красивее, настоящая красавица. Её кожа и вправду молочная, чёрные волосы всегда блестели ярче, чем у меня, а глаза такие большие! Она всегда была похожа на куклу и сейчас всё такая же.

Мама раскрывает объятия, продолжая всхлипывать, и я, не задумываясь, подбегаю к ней, обнимаю её и отца, а потом пытаюсь ухватить ещё и младшую сестрёнку, но не могу дотянуться.

– Это правда!

– Вторая девочка в семье, и тоже отмечена…

– Какое благословение!

Громко и восторженно зашептали селяне за нашими спинами. Я оборачиваюсь на своих сестёр Мар, и они улыбаются, но грустно, натянуто, намного лучше понимая, какая это трагедия для семьи. Они знают, что жители вечно возбуждённо бубнят о благословении, только пока оно не придёт в их дом и не заберёт их ребёнка.

А у моих родителей забирают второго.

Во мне плещется предательская радость напополам с разочарованием. Я уже знаю эту боль расставания, знаю, какие уроки предстоят моей сестре, какая у нас теперь судьба. Одинокая, без родительской любви, без будущего мужа и надежды на создание семьи. Жизнь, посвящённая борьбе с нечистью. И я не хочу такого для сестры. Но чувство, что теперь я не одна, предательски расползается тёплыми искрами где-то внутри.

– Анна. – Я протягиваю руки к сестре, и та прижимается ко мне, как и раньше в детстве.

Отец утирает слёзы быстрее, чем они успевают скатиться, а мама плачет открыто, поглаживая меня по волосам. Они ничего не говорят другим Марам, потому что ни мольбы, ни просьбы, ни угрозы не сработают. Мою сестру всё равно заберут, даже если её придётся вырвать из рук родителей.

Когда-то давно бывали семьи, которые пытались прятать своих девочек от этой судьбы, бежать, если была возможность. Но заканчивалось всё одинаково. Девочку забирали либо добровольно, либо вырывая от уже мёртвых родителей, поэтому больше никто не пытается. Ни одной отмеченной девочке не удалось ускользнуть.

Но и ни разу не было такого, чтобы в одной семье такое «благословение» падало больше чем на одного ребёнка. И уже в этот момент, когда вновь оглядываюсь на сестёр в красных плащах, я понимаю, что Анна – особенная.

Ирина выходит вперёд и протягивает мне руку, я хватаюсь за неё, уходя вслед за ней, и тяну за собой сестру, как мне кажется, в новый мир, о котором она раньше слышала лишь в легендах и сказках на ночь. В мир, который станет нашей реальностью, и совсем не той, о которой мы мечтали в детстве зимними вечерами, сидя у тёплой печки.

Я начинаю скрипеть зубами, когда принц Даниил приказывает привести для меня белого коня. Поднять на уши всю деревню, если нужно будет, но найти. Чем больше времени мне приходится проводить в его обществе, тем больше он раздражает меня своим мальчишеским энтузиазмом и восхищением старыми сказками, половина которых для меня были реальностью до моей смерти. И весьма не столь приятной, как ему может показаться.

– Мне не нужен белый конь, ваше… высочество. – Последнее слово я едва ли не выплёвываю под пристальным и недовольным взглядом капитана Дария, отчего хочется ему бросить, что наша неприязнь взаимна.

Даниил оборачивается на меня и вновь расплывается в улыбке. Либо он не замечает, как выводит меня из себя, либо он делает это специально, потому что ему это нравится. И судя по внимательному взгляду, который принц упрямо прячет за шутками и комплиментами, я склоняюсь ко второму.

– Ох нет, дорогая Агата, нужен! Почти двести лет все считали, что Мары мертвы…

– Мары мертвы, – вставляю я.

– …но вот она ты, в алом плаще, – не обращая внимания, продолжает он, – въезжаешь в столицу прямо на белом коне как символ. Ведь белый – один из ваших цветов, верно?

– Верно, но…

– Замечательно! – заключает он, а потом отворачивается от меня и вновь прикрикивает на солдат, приказывая продолжать поиски.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не поддать ему под зад, но мой пыл сразу остужается от присутствия Морока чуть в стороне. Он стоит как изваяние, сложив руки на груди. Всё в той же чёрной броне и плаще, капюшон которого всё так же скрывает половину его чёрно-золотой маски. Если Мары часто ассоциируются с красным, чёрным и белым цветом, то Мороки, по слухам, носят исключительно чёрное и золотое.

Хоть слуги Тени ничуть не менее реальны, чем Мары или нечисть, но при моей жизни для большинства Мар они были как призрачные слухи или страшные байки. Они занимаются похожим с нами ремеслом, справляются с неупокоенными тварями, но если Мары служили открыто и любой мог прийти в наш храм и попросить помощи, то к слугам Тени так просто никто не рискнёт сунуться. Говорят, их мало, трое или пятеро, и где находится их храм и есть ли он вообще, знают разве что избранные. Смерть от руки Мары можно считать милосердной, потому что, даже обрывая жизнь, мы дарим шанс на перерождение. Душа наконец упокоена и отправляется к богине, которая перенаправит её в следующую ипостась. А смерть от рук Морока… конечна. Никакого перерождения, никакого нового шанса. А ещё говорят, что при желании они могут отправить душу в Тень навеки. Там нет ничего и никого, ни запахов, ни звуков, там не тепло и не холодно. Просто бесконечная мучительная пустота, из которой не выбраться. Одна мысль о подобном месте, которое невозможно представить, заставляет меня поёжиться.

Короли поглядывали на Мар с интересом, потому что мы можем продлевать жизнь, а у Морока особая способность – поднимать мёртвых, привязывая к себе. Но за раз поднять можно лишь одного. Однако пока я не разобралась, как они подняли меня, если с моей смерти прошло двести лет? Почему богиня не забрала мою душу? Почему моё тело сохранилось? И что произошло после? Пока я не задаю много лишних вопросов своим сопровождающим, наблюдая за принцем и его тёмным слугой. И это ещё одна загадка. Почему Морок вообще ему помогает?

Помимо этого Морока я видела ещё одного только однажды, когда мне было семнадцать. Тот носил маску ворона. Я знаю, что у каждого она разная, создаётся отдельно и наделяется какими-то чарами. Но что тогда, что сейчас у меня не хватает духу спросить, как определяется их форма и с чем это связано.

Я возвращаюсь в свою комнату на постоялый двор. Это последняя наша остановка перед столицей, мы в пути уже неделю. Слухи о том, что «одна из Мар жива и разделалась с упырями», разносятся между деревнями даже быстрее, чем мы думали. Я слышала, как люди охают и шепчутся, встречая процессию вдоль дорог. А заметив ещё и Морока в нашей компании, вообще сбиваются в группки, пристально наблюдая.

Раз уж выяснили, что кандалы не имеют никакого смысла и Морок может легко меня выследить, Даниил решил от них отказаться. Но я чуть ли не каждую

минуту думаю попросить надеть их обратно, потому что теперь приходится ехать со слугой Тени на одном коне. В первый раз он подхватил меня как мешок с картошкой и усадил прямо перед собой, прижав к своей груди, но смягчился, когда я зашипела от боли в плечах. С тех пор он усаживал меня аккуратнее, хотя первые дни меня всё равно трясло от страха, что такое чудовище обнимает меня сзади. На третий день спокойнее мне не стало, но я научилась расслабляться, сидя к нему так близко.

В комнате я продолжаю собирать свои немногочисленные вещи. Принц Даниил теперь относится ко мне не столько как к пленённой марионетке, сколько как к долгожданной гостье. Иронично. Эти его милые подарки вроде гребня для волос с костяной рукоятью из одной деревни, душистого лавандового мыла из другой, нового платья взамен испорченного кафтана, который мне разорвал упырь, вызывают у меня лишь желание закатить глаза. Но дарёному коню в зубы не смотрят, и я принимаю всё со снисходительной улыбкой. Это единственное, что я могу выдавить, прекрасно зная, что в один день он дарит подарки, а в другой пожелает отправить меня в гроб.

За эту неделю, как Морок и обещал, мои раны зажили, и даже кожа приобрела более живой оттенок. А в одной из деревень я, наконец, нашла большое зеркало, чтобы узнать, насколько плохо может выглядеть живой труп. В целом всё лучше, чем я ожидала. Пахнет от меня только лавандовым мылом, кожа не спадает кусками, и я не разлагаюсь на ходу, скорее наоборот. Со временем я всё больше становлюсь похожа на живого человека. Вначале кожа и вправду имела синеватый трупный оттенок, но сейчас она просто неестественно бледная. Я сильно исхудала, скулы заострились, прибавляя мне несколько лет, хотя я умерла, когда мне было всего девятнадцать. Но и на это Морок сказал, что со временем станет лучше, и чем больше времени будет проходить, тем всё более и более я буду походить на себя при жизни. Кроме волос и глаз. Мои когда-то чёрные волосы до середины спины стали серыми, а голубые глаза подёрнулись плёнкой и стали светлее, придавая мне какой-то жуткий вид.

Я бросаю очередной взгляд на небольшое зеркало на столике и морщусь, встречаясь с самой собой взглядом. Я не была так красива, как моя собственная сестра, но и жуткой выглядеть никогда не хотела.

За время нашего путешествия мне стало понятно, что привязанный к Мороку мертвец, как я, не только испытывает боль, но так же устаёт. Поэтому по ночам я сплю. Я дышу, хотя делаю это скорее по привычке, не уверенная, что это

жизненно необходимо. Моё тело будто работает так, как помнит. Дыхание может становиться тяжелее, быстрее или спокойнее от моего состояния. Питаться мне не обязательно. Голод я не чувствую, но иногда, смотря на еду, вспоминаю её вкус, и рот наполняется слюной. Морок сказал, что я могу пробовать желанные блюда, если мне очень хочется вспомнить вкус, но еда как таковая мне не нужна. Самое непривычное – это тишина в груди, там, где должно биться сердце, но оно молчит. Однако на это мой страж сказал, что оно начнёт биться позже, и когда оно заработает, я стану почти неотличима от нормального человека, потому что кровь вновь начнёт придавать коже приятный оттенок.

Я достаю из сумки немного сурьмы, чтобы подвести глаза, а на бледные губы наношу краску для губ. Всё это тоже подарки от Даниила. Сурьму я знала и при жизни, а вот губы раньше мы делали ярче при помощи сока ягод. Ничего не стоит на месте, и люди успели придумать новые средства, чтобы становиться красивее. Моё лицо выглядит чуть лучше, но эти будто неживые глаза теперь выделяются ещё больше.

– Что же скажет богиня на то, что я сама нечисть теперь? – горько усмехаюсь я вслух, глядя на своё отражение.

– Она ничего не скажет. Твоей богине на всё это давно плевать, как и остальным.

Я вздрагиваю от голоса, даже не заметив, что Морок встал на пороге моей комнаты.

– Что ты имеешь в виду?

Он только ведёт плечами и взмахивает рукой, приказывая выходить. Мы отправляемся. Я скидываю всё в небольшую сумку и двигаюсь вслед за своим охранником.

– До Ярата остался всего день пути, Агата, – слегка наклоняя голову, говорит мне Даниил, когда Морок подсаживает меня на белого коня.

Принц всё-таки нашёл. И глупо скрывать, но мой алый плащ и вправду благородно смотрится вместе с белым. Поглаживая белоснежную шею

животного, я улыбаюсь. Красивый конь с длинной гривой и шелковистым хвостом. Жаль, что он испачкает себе все ноги, ступая по размякшим дорогам, которые нам предстоят. Хотя, к счастью, вчера дождя не было.

– Значит, улыбаться ты всё-таки умеешь, – тихо тянет принц, когда Морок отходит от нас.

Моя улыбка сразу киснет, я продолжаю поглаживать шею животного и перевожу взгляд на принца.

– Переживала, что вы можете в меня влюбиться, ваше высочество.

Даниил хитро улыбается.

– А что будешь делать, если это уже произошло?

Его вопрос застаёт меня врасплох, молодой человек, довольный, кивает моей растерянности, запуская руку в свои светлые волосы. Вероятно, он ждёт какого-то ответа, но я молчу, к своему стыду не зная, что сказать. Вся моя жизнь состояла из уроков, подготовки, служения богине и убийства тварей. Мары могут встречаться, могут влюбляться, но всё это на деле бесполезно, потому что нельзя вступать в брак, будучи выбранной Мораной. Большинство сестёр, да и я вместе с ними, предпочли даже не пытаться что-то начинать, зная, что такие чувства не могут получить какого-либо продолжения. Поэтому мой опыт во флирте и общении с мужчинами скуден, в отличие от принца. И, вероятно, ещё не раз мне придётся ему проиграть в этих светских играх словами и щекотливыми вопросами. Только Даниил, вероятно, не додумался, что из-за прошлого я ненавижу принцев. И сейчас я не придумываю ничего лучше, чем выпрямиться в седле, игнорируя вопрос.

– Приму это как твоё «да», – усмехается Даниил и идёт к своему коню.

– «Да» на что? – только и успеваю бросить я ему в спину, но собеседник мне не отвечает.

Я фыркаю, убирая волосы за шиворот, и накидываю капюшон на голову.

4

Зима – наше любимое время года с сестрой. И не только потому, что мы отмечены богиней зимы и смерти Мораной, но и потому, что магия будто окутывает весь мир. Особенно я люблю ночь после снежного вечера с серебряной, полной луной, что заставляет нетронутый снег мерцать, будто усыпанный звёздами. А воздух, пронзительно морозный, щиплет нос и кусает щёки.

Я медленно выдыхаю густое облачко пара, кутаюсь в свою алую накидку на меховой подкладке, делаю несколько аккуратных шагов к лесу, а ноги в высоких сапогах утопают почти до середины голени.

Морщусь, когда Анна разбегается и падает на нетронутый снег, рушит идиллию свежего покрова, поднимая ногами и руками снежные хлопья. Она весело смеётся, а потом взвизгивает от холода, когда снег попадает ей за ворот кафтана, а мои губы непроизвольно растягиваются в улыбке, но я тут же шикаю на неё, прикладываю палец к губам, воровато оглядываюсь на далёкий храм.

Прошло больше месяца с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать, а Анна стала Марой одну зиму назад. Наступил самый холодный, второй месяц зимы. Все уже отпраздновали Коляду – любимый праздник всех Мар. Сёстры обошли ближайшие деревни, принимая подношения и проверяя, что вокруг не завелась нечисть. Анна слишком мала для таких походов, а меня как старшую оставили следить за ней. Мы были расстроены, обе капризничали, что нас не пустили поводить хороводы у огромных костров да попеть колядки под окнами, чтобы выпросить вкусные угощения. Но Ирина и старшая сестра Кира были непреклонны, и нам пришлось остаться.

Однако сёстры, усталые, вернулись сегодня под самый конец темнеющих сумерек, потому что везде начались Велесовы святки, где люди заклинают и молятся другому богу о будущем урожае и здоровом скоте. Служительницы храма расслабились, перестав за нами следить, поэтому Анна упросила меня с ней прогуляться.

– Пойдём, Агата! Вон там есть озеро, а рядом с ним клюква, если соберём, то на кухне можно упросить сделать твой любимый морс! – Анна неуклюже

поднимается, пытаясь вытряхнуть весь снег из тёмных волос, но часть длинных прядей уже мокрые.

– Нельзя отходить так далеко, дурёха! – Я подхожу ближе, скручиваю её волосы, убираю так, чтобы они не холодили шею, и накидываю ей на голову капюшон. – Ночь на дворе. Если нас хватятся, то нам попадёт! Хочешь ещё пыль со старых полок в библиотеки протирать?

Сестра смешно морщит нос, уборку она не любит. Ирина пытается её наказывать за непослушание таким способом, но результата пока никакого.

– Тут недалеко! Я тебе кое-что показать хочу!

Она в нетерпении мнётся, смотрит на меня с надеждой, округляет свои большие синие глаза, а я вновь оглядываюсь на храм, что тянется ввысь. Днём серый камень стен сейчас почти чёрный, выделяется на фоне заснеженного леса, а оранжевые огни свечей горят лишь в нескольких окнах. Почти все жители спят.

Я перевожу взгляд на небо, хочу придумать отговорку, что слишком темно, но луна светит ярко, а снег вторит ей, отражает, сверкает, укутывая толстыми слоями еловые ветки.

– Хорошо, пойдём. Только быстро.

Анна радуется, подпрыгивает и устремляется на северо-запад к границе с Сератом, упорствует, переставляя ноги в снегу, утопая почти по колено. Я выше и двигаюсь быстрее, с лёгкостью её догоняя. Улыбаюсь, пальцами обхватываю её руку в шерстяных рукавицах.

Мы уже хорошо знаем местность в округе храма, потому что далеко нас пока не отпускают. Разведали тут всё и легко находим тропы, даже прикрытые снегом. Идём не больше десяти минут, Анна запыхалась, дышит шумно, кряхтит, всем видом показывая, как ей трудно. Я знаю, что она хочет, и разрешаю сестре забраться на мою спину, чтобы я понесла её ещё пару минут. Та сразу веселеет, болтает ногами, пока я придерживаю её под бёдра, тащу на себе. Стискивает мою шею так сильно, что мой капюшон падает назад, открывая тёмные волосы. Морозный воздух холодит затылок и макушку, но Анна трётся своей холодной щекой о мою, и я опять снисходительно улыбаюсь, прощая младшей сестре её

недавнее нытьё.

Теперь я слышу лишь собственное дыхание да хруст снега под ногами, где-то в глубине леса редко ухает сова, добавляя магии этой ночи.

Когда мы доходим до берега озера, я спускаю Анну на землю, и мы обе восторженно вздыхаем, раскрывая рты от удивительного пейзажа. Мы здесь бывали днём, но ночью – никогда. Перед нами небольшое озеро, оно замёрзло, а лунный диск отражается на его поверхности будто в зеркале. Мелкие трещины на льду похожи на белые и синие прожилки.

– Вон там клюква! – привлекает моё внимание Анна.

Я сразу иду в указанном направлении, желая собрать ягоды побыстрее и вернуться в нашу тёплую комнату. Ночь хоть и красивая, но холодная. Да так, что уже пальцы в сапогах озябли.

Замечаю ярко-красные ягоды в снегу, оглядываю огромные гроздья, предвкушая. Если собрать побольше, то не только морс можно упросить сварить, но и ягоды в сахарной пудре, а может, даже пирог.

– Агата, – задумчиво тянет Анна, подходя к кромке озера, пинает небольшой сугроб, поднимая ворох снега. – Кто такой Морок?

Я в замешательстве оборачиваюсь на сестру, размышляя, от кого она могла услышать это имя. Мне о Мороках рассказали лишь на второй год обучения.

– Они – слуги Тени, – коротко отвечаю я.

– А что такое Тень?

– Тень – это место, куда попадают самые гнилые души после смерти, а также это – тьма, которая этим местом управляет. – Проверяю ягоды на прочность; они хорошо промёрзли, а значит, не сильно испачкают карманы. Корзинки-то у меня с собой нет.

– Как Тень появилась?

Рву клюкву, заталкиваю в карманы накидки и какое-то время молчу, размышляя над ответом.

– Есть несколько легенд об этом, только те, кто уже умер и встретил богиню, знают, которая из них правдивая, – уклончиво отвечаю я.

– Агата! Ну расскажи хоть одну!

– А потом ты всю ночь от любых теней на стенах будешь трястись, – фыркаю я, глядя на сестру, которая трясёт игольчатую ветку ближайшей сосны, стряхивая с неё снег ради забавы.

Анна продолжает ещё какое-то время канючить, не отрываясь от своего дела, и я сдаюсь.

– Разные есть легенды. Большинство дошли до нас неполными. Одна из основных говорит, что Тень самой богини Мораны поднялась, когда мёртвые души её топтали. Однако самая знаменитая легенда про то, как богиня сама схватила сумрак у ног своих и отрезала, чтобы тот помог ей справиться с жадными, эгоистичными и полностью сгнившими душами смертных. И ходит та Тень за ней, вроде и отдельно, но всегда подле нашей богини.

На середине моего рассказа сестра перестаёт шуметь и слушает внимательнее.

– Морок – нечисть?

– Насколько я знаю – нет, но даже Кира не знает, что у них под маской, а она самая старшая, – мрачным шёпотом делюсь я.

– Сестра Яна сказала, что их все боятся, они носят маски, а смотреть им в лицо нельзя, иначе умрёшь, – недовольно жалуется Анна.

Яна. Ну конечно. Она любит рассказывать страшные истории. Хотя какие страшные истории можно рассказать Маре, что сама убивает живых мертвецов. Однако Яне это удалось. Она рассказала сестре про Морока.

– Я не знаю, насколько это правда. Меня Ирина предупредила, что при встрече с Мороком лучше уходить, прятаться и ни в коем случае не пытаться посмотреть под маску. И ты поступай так же, Анна! Если увидишь Морока, делай как велено, избегай подобной встречи.

Я продолжаю запихивать ягоды в карманы, как слышу новый взрыв смеха сестры. Слышу, как она падает, и только тогда поворачиваю голову. У меня внутри всё холодеет, а ягоды выпадают из онемевших пальцев.

– Гляди, Агата! Я видела, как мальчишки делают это зиму назад, как раз перед тем, как ты пришла. Они и меня научили немного!

Анна стоит на льду уже больше чем в десяти метрах от берега, отталкивается, пытается скользить, но падает на лёд, а у меня внутри всё трясётся от напряжения.

– Анна, вернись. Иди ко мне. – Мой голос будто стал чужим, скрипучим. Я говорю ей вернуться, но сама застыла, боясь сделать шаг, словно стою на льду вместо сестры.

Мне ещё на третий год сёстры запретили ступать на лёд на этом озере, потому что оно никогда не промерзало достаточно, чтобы выдержать вес человека, однако Анне этого либо не сказали, либо она пропустила предостережение мимо ушей. Я молюсь про себя, чтобы лёд выдержал мою худенькую сестру.

Я вся вздрагиваю, когда она поднимается и вновь падает, приземляясь на попу, скользит ещё дальше от берега и от меня. Сестра смеётся.

– Анна, иди ко мне, пожалуйста, – повторяю я, стараясь придать голосу беззаботности, чтобы её не пугать, но если я сама ступлю на лёд, то тот точно треснет.

– Тут скользит как-то хуже, – недовольно бормочет она, делает несколько шагов ко мне, и мы обе слышим треск.

Анна смотрит под ноги, как змеятся трещины. По-глупому наклоняет голову, делает ещё один шаг, но уже аккуратный, медленный. Новый треск почти

оглушает. А у меня сердце бьётся в горле от страха в глазах сестры, когда она вскидывает на меня свой взгляд, а её нижняя губа начинает дрожать. Я быстро сбрасываю свой тёплый плащ, оставаясь в лёгком кафтане.

– Анна… беги ко мне. – Я пытаюсь кричать, но голос подводит, и я рада, что выдавила это хотя бы достаточно громко, чтобы девочка услышала.

И сестра устремляется вперёд, но она особенно неуклюжая, когда боится. Ей удаётся сделать три шага, и лёд трещит, расползается, огромные куски кренятся, а потревоженная тёмная вода выплёскивается на поверхность, Анна поскальзывается. Я не жду, а устремляюсь ей навстречу, лавируя между трещинами, перескакиваю их.

Анна с визгом падает в тёмную воду первая, исчезает сразу с головой, а я падаю вслед за ней, совсем близко. Из горла вырывается хрип, когда всё тело пронзает холод, но здесь не так глубоко, вода доходит мне до шеи. Замечаю накидку сестры, хватаюсь, вытягивая её голову на поверхность. Та громко плачет, выплёвывает воду, что попала в рот, стучит зубами, бьёт по воде единственной подвижной рукой, когда остальное тело явно онемело.

Холод от воды такой, что мне кажется, словно меня режет тысяча ножей. Мой ужас так велик, что я едва осознаю, как переставляю ноги, таща сестру за собой на берег. Почти выбрасываю её тело на твёрдую поверхность, а сама выползаю на четвереньках.

Пальцы едва слушаются, когда я стаскиваю с Анны верхнюю одежду, кутаю в свою единственную сухую накидку. Она стучит зубами и вся трясётся, но при этом продолжает заунывно рыдать, пережив шок. Я не могу её даже успокоить, потому что мои зубы тоже стучат, и я трясусь не меньше её. А страх, что я чуть не потеряла сестру, душит не хуже верёвки на шее.

Ирина учит меня, что всегда нужно действовать, нельзя поддаваться страху, что я и пытаюсь сейчас делать. Пытаюсь изо всех возможных сил.

– Аа…ннна… обхх…вати за ше…ю.

Вскидываю сестру себе на спину, я пытаюсь идти к храму, но ноги не слушаются, подламываются в коленях, и каждый раз их пронзает боль. Анна делает что

велено, цепляется за меня, почти душит.

Мне удаётся пройти пять минут, пока каждый вдох не начинает вырываться хрипом. Мне слишком холодно, пальцы едва удерживают сестру, но нам навстречу бежит Ирина, и я начинаю плакать едва ли не громче, чем сестра. Падаю на колени в мягкий снег, когда наставница широкими шагами преодолевает расстояние между нами.

5

Ярат. Столица Аракена.

Прошло много лет, и местность этой страны изменилась. Ориентируясь на свои воспоминания, я понимаю, что мы движемся с юга на север. По пути замечаю, что выросли несколько новых деревень, какие-то дороги стали шире, линии лесов изменились, а что-то пропало вовсе. Некоторые места, которые мы проезжаем, я узнаю, другие нет. Но я рада, что хотя бы Аракен всё ещё существует и столица у него всё та же. Хотя при жизни я бывала там лишь два раза: когда Мар позвали на коронацию нового короля и когда завелась нечисть в ближайшем лесу.

Мы – Мары, не принадлежим ни одной из стран и не подчиняемся королям. Лес, где расположен наш храм, считается исключительно нашей территорией и находится прямо на границе двух государств: Аракена и Серата. На западе страны омывает океан, а на востоке – путь в глубь континента перекрывает высокая горная гряда. Никто туда не ходит за ненадобностью, и никто никогда оттуда не приходит. Возможно, там конец континента и больше ничего нет, а может, там просто никто не живёт.

Марам было не важно, кто просил помощи. Звали нас сератианцы или аракенцы, мы шли помогать и тем, и другим, если у них возникали трудности. Но сейчас я рада, что именно принц Аракена поднял меня. Если бы я очнулась, а передо мной появился наследник Серата, я бы свернула ему шею, даже не дослушав и первую фразу.

– Принц Даниил, – обращаюсь я к молодому человеку после нескольких часов дороги, подъезжая поближе на своём белом коне, – почему вас так интересуют Мары?

– С чего бы начать? – растягивает слова принц, скрывая улыбку от того, что я впервые заговорила с ним по собственной воле. – Наверное, с того, что моя мама умерла рано. Всего через пять лет после рождения моей младшей сестры. Король… то есть отец, не обладает большими способностями в воспитании, и всё детство я провёл с нянями, сестрой и старшим братом Николаем. Вот он любил читать нам на ночь рассказы о Марах и Мороках.

– Сомнительный выбор сказок для маленьких детей, – отвечаю я.

– И то верно. Так скажет любой взрослый человек. Но у нас выбор был между вами и лешими.

– А что не так с лешими? – с удивлением поворачиваюсь я.

– Спросишь тоже, Агата! Они же жуткие твари!

– Конечно, некоторые из них выглядят странно с черепами вместо лица, но сами они почти безобидные! – возражаю я.

– Ты называешь этих громил безобидными?! – широко раскрытыми глазами смотрит на меня Даниил. – Я слышал, они чаще всего от двух до трёх метров, у них рога как ветки, а глаза светятся красным.

– Про глаза глупая небылица! – отмахиваюсь я. – Чаще у них глаз вообще нет, просто голый череп животного.

– Ещё лучше! Пустые глазницы черепа куда менее пугающи, чем красные глаза! – иронично поддевает принц.

Я замираю, а потом тихо смеюсь впервые за всё время. Эти звуки кажутся мне забытыми, непривычными, наверное, поэтому мой смех звучит натянуто, вовсе не так красиво, как раньше, при жизни.

А ведь он прав. Я так привыкла с детства изучать их, зная, что лешие лишь духи леса, защищающие животных и природу, и перестала замечать, что для обычных людей их вид может быть жутковатым.

– Что ж, ваша правда, – в итоге сдаюсь я. – Возможно, их вид немного пугающий.

– Немного?! – вновь откликается принц, но его рот растягивается в улыбке, когда я вновь смеюсь. – Раз мы решили про леших, я продолжу рассказ.

Я киваю, ожидая продолжения.

– Моей сестре было всё равно, что слушать. Для неё все подобные истории как страшилки. Я же, как ты поняла, не большой любитель гигантских лесных… духов. Поэтому выбирал истории про вас. Что может быть более интригующим, чем красивые девушки, как сама богиня, и несущие милосердную смерть?

– Заморские принцессы?

Даниил лишь отмахивается от моей попытки его поддеть.

– И я не прогадал! Каждая история приводила меня в восторг, хотя мой брат явно не рассчитывал на такую реакцию, уставая пересказывать мне одни и те же легенды по кругу из года в год. Большинство обожают легенду про Мару по имени Сильвия и то, как она в одиночку справилась с двумя бесами ради защиты группы детей.

Сильвия. Я тоже слышала эту историю, которая произошла задолго до моего рождения. Все слышали. Бесы – огромные твари, и удача, если в одиночку сможешь убить одного, но двоих…

– Сказать по правде, – продолжает Даниил, – больше всего я восхищался тобой и твоими сёстрами, последними из Мар, особенно тем, что вы сделали после произошедшего с твоей сестрой Анной.

Всё былое веселье испаряется, стоит мне вспомнить о сестре.

– Там нечем восхищаться, принц, – сухо бросаю я. – В том не было никакой романтики. Только смерть.

– Я уверен, что это слабое утешение, но, надеюсь, ты согласишься, что лежать в холодной земле всяко хуже, чем ходить по ней.

Я оборачиваюсь на Морока, который едет позади на чёрном коне. Сидит он прямо, как и всегда, не двигаясь и не поворачивая головы, смотрит только вперёд. Так можно и засомневаться, живой ли он вообще.

– Как получилось, что сам слуга Тени помогает короне? – Я наклоняюсь поближе к принцу, стараясь говорить тише.

– Всегда говорили, что Морок появляется там, где нужно и когда нужно, поэтому искать их бесполезно, – загадочно произносит Даниил. – После исчезновения Мар наступили непростые времена, особенно для обычных людей. Все надеялись, что Мороки будут выполнять работу Мар, но слуги Тени просто пропали после всего произошедшего. Поговаривают, они специально ушли из-за вас. Хотя кто знает, в чём истинная причина, – принц тоже наклоняется поближе, – ведь собеседники из них весьма тоскливые… или стоит сказать нудные, а может… однообразные?

Стараясь подавить улыбку, я согласно киваю.

– И, как всё-таки известно, слуги Тени тоже люди, значит, им надо на что-то есть. А кто платит щедрее, чем король?

– Морок работает на вас ради золота? – Эта мысль кажется мне сомнительной, хотя я слышала истории, что они выполняли кое-какую работу для короны за достойную плату. Для Мар такое поведение было недостойным. Нам никогда не нужно было просить плату, люди всегда делали добровольные подношения.

– Сейчас их иногда называют наёмниками Тьмы, – почти шёпотом делится Даниил. – Говорят, времена изменились и Тень потеряла всё достоинство.

Я размышляю над его словами, а потом разочарованно качаю головой.

– У Тени никогда и не было достоинства, чтобы его терять. – Ровный голос бьёт нам в спины, и кажется, даже Даниил пугается, забывая, что Морок находится прямо за нами и может всё слышать, хоть мы говорим достаточно тихо.

Какое-то время мы едем молча, пока я не решаю задать последние волнующие меня вопросы:

– Серат всё ещё существует?

– К нашему разочарованию, да, – кивает принц.

– Кто сейчас правит?

– Младший сын покойного Алексея – Северин Ласнецов. – Принц задумчиво стучит пальцем по подбородку. – Должен был бы править старший, не буду врать, абсолютно не помню его имени, но он умер, ещё будучи ребёнком.

– В каких отношениях Аракен и Серат?

Даниил бросает на меня любопытный взгляд, наклоняя голову набок. Я задала этот вопрос ровным тоном, но глупо было думать, что принц не знает причин моего любопытства.

– У нас война, Агата. После того что они сделали, мои предки не смогли это так просто оставить. Вначале бои шли беспрерывно, но сейчас лишь одиночные столкновения время от времени. Открыто армии мы не выводим на поле битвы, но пристально следим друг за другом и убиваем сразу, не задумываясь, если кто-то пересекает границу.

Я киваю, сжимая зубы и поводья. Кожа перчаток скрипит.

– Не переживай, дорогая Агата. Когда-нибудь мы сотрём их с лица земли. Я постараюсь сделать это при своей жизни. И знай, если у меня получится… – принц дожидается, пока я подниму на него взгляд, – то я сделаю это ради тебя.

– Анна, платье твоё, конечно, красивое, но на тренировку стоит надевать штаны и рубашку!

Это уже не первый раз, когда мне приходится её ругать за такую одежду, но сестра постоянно отвлекается, а занятия с оружием и силовые тренировки она ненавидит больше всего. Я тоже не в восторге от бега, отжиманий и подтягиваний, однако наша работа – не только воспевать богиню Морану и красиво выглядеть в алых плащах. Кстати, это мне кажется странным, но одежды также играют важную роль, и существует множество правил относительно нашего внешнего вида. Однако, как бы то ни было, я уверена, что нас действительно ценят только пока мы можем убивать нечисть, с которой обычным людям не справиться. Да, мы способны видеть нити жизни, способны их обрывать. Но знания и умение сражаться – это опыт, который нам приходится нарабатывать постоянными тренировками, как и любому другому.

Я понимаю Анну, я тоже люблю красивые платья. Раньше мне хотелось наряжаться и выглядеть привлекательнее. Хотелось получать такие же восхищённые взгляды от молодых мужчин и даже женщин, какими они одаривают мою сестру, стоит нам зайти в город или деревню. Но потом я забросила эти мысли, отдавая больше времени изучению владения мечом. И моей частой одеждой стали обтягивающие штаны, рубашки и кафтаны цвета крови. Либо обычные, либо со скошенными полами. Подобную одежду носят мужчины, но ещё несколько сестёр, как и я, нашли её намного удобнее в бою и при езде верхом. А хранительницы храма шьют нам достаточно элегантные фасоны, чтобы мы могли появиться в таком виде и при дворе, если будет нужно.

– Какой будет толк от меча в твоей руке, если ты запутаешься в юбках?!

Я ругаю её прямо в светлом коридоре храма, где любая из сестёр или хранительниц может нас увидеть. А может, они уже слышат мой повышенный голос и предпочитают обходить этот коридор десятой дорогой. С моего пятнадцатилетия сёстры в основном именно мне поручали следить за сестрой, желая создать для Анны лучшие условия, чем могла себе позволить любая из нас. И я всегда была добра к младшей сестре, оберегала её, думая, что жизнь Мары даётся ей тяжело. Она всегда выглядела хрупкой, изнеженной девушкой, которая неплохо обращается с длинными кинжалами, но даже средний меч не

может удержать, чтобы противостоять противнику дольше нескольких минут. Я всегда верила ей, когда она в очередной раз оправдывалась, что ей тяжело дышать, а бегать так же хорошо, как другие, она не может. Верила, когда она извинялась за пропущенные тренировки и обещала, что больше вести себя так не будет.

Верила, до того момента, пока не поняла, что это всё капризы.

Сестра быстро сообразила, что своим кукольным лицом может манипулировать людьми, добиваясь своего. И даже самые старшие Мары умиляются ей, видя в Анне если не сестру, то дочь. Я знаю, что она делает всё это не со зла, а из обычных эгоистичных помыслов, не желая делать то, что ей не хочется.

Уже идёт седьмой год, как Анна с нами. Хоть она и отлично выучила все учебные материалы и прилежна в работе с книгами, но всё ещё в настоящем бою не способна постоять за себя. И отчасти это моя вина. Я, к своей глупости, потакала ей, выкопав тем самым яму самой себе, в которую рухнула полгода назад.

В тот день четверо, включая меня и Анну, отправились разбираться с утопленниками в одном из озёр. Жители ближайшей деревни рассказали, что видели там двоих ходячих мертвецов. Но на самом деле их оказалось четыре. Они отвратительны, но утопленники не настолько быстрые, как упыри в тех же лесах, однако Анна не справилась. Даже спустя годы тренировок она лишь глупо размахивала мечом. Мне повезло вовремя заметить, что утопленник почти схватил её. Нужно было отрубить ему голову, но я просто не успевала и оттолкнула сестру подальше, а мертвец впился гнилыми зубами мне в руку и стремительно утащил в озеро. Если бы не сестра Яна, которая вытащила меня, я бы утонула в тот день.

С тех пор я стараюсь быть жёстче, ругать сестру всегда, когда она этого заслуживает, меньше потакать её прихотям. Я вздыхаю каждый раз, когда Ирина со смехом говорит, что я стала ворчливее. Мне не нравится то, что приходится постоянно высказывать Анне, но пока другого выхода я не вижу.

Анна продолжает молча смотреть в каменный пол и теребить длинный рукав красного платья с чёрным корсетом. Но на этот виноватый взгляд я больше не поведусь.

– Анна!

– Сестра, – устало тянет девушка, поднимая на меня синие глаза, вся вина исчезает, когда она осознаёт, что притворство больше не работает. – Ты же знаешь, что такая жизнь не для меня. Я стараюсь, правда! Ты же знаешь, что я наизусть запомнила каждую тварь и как с ней справиться.

– Знаю, но…

– Только оружие, ну не получается у меня. Я не настолько сильная, как ты, Агата! Я хотела бы, но не получается.

– Мои умения – это не особый талант! Это всего лишь ежедневный упорный труд, и ты это знаешь.

Анна упрямо замолкает, зная, что ничего возразить не может. Подобный разговор был у нас не раз. Я глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю, стараясь избавиться от раздражения. А потом обхватываю плечи сестры, заставляя её посмотреть на меня.

– Анна, я люблю тебя и знаю твой характер. Если бы я могла, я бы отправила тебя домой, избавила бы от этой судьбы. Но я не могу…

Уголки её губ опускаются, она это знает, а смириться всё равно не может. Всё ещё глупо, как в первые годы, надеется, что я смогу как-то избавить её от участи Мары, но это не под силу никому.

– Остальные сёстры знают, что я с тобой не справляюсь. Уверена, скоро они заберут тебя из-под моей опеки и кто-то другой будет следить за твоими занятиями. Ты и вправду хочешь этого?

– Нет.

– Тогда ты переоденешься и пойдёшь заниматься, – киваю я.

– Прости. Это в последний раз.

Очередной последний раз.

– Обещаешь?

– Обещаю, – виновато бубнит она, крепко меня обнимая.

Я обнимаю её в ответ, успокаивающе поглаживая спину и шелковистые чёрные волосы, но потом отодвигаю сестру от себя.

– Анна, откуда у тебя это платье?

Теперь сестра выглядит испуганной, и мне это не по душе, она пытается высвободиться, уйти от ответа, но я крепко сжимаю её плечи, не давая сбежать.

– Анна, – недовольно тяну я.

– Я купила его, – неуверенно мямлит она.

– У нас нет таких денег, сестра! Что это? Сератианский шёлк? – ахаю я, щупая ткань на рукаве. – Он же безумно дорогой!

Сестра пользуется моментом, изворачивается, освобождаясь из моих рук, и отбегает на несколько шагов к белой каменной стене.

– Только не злись, Агата, это всего лишь подарок, – она вновь применяет свою виноватую улыбку, от которой у меня должно растаять сердце, но не в этот раз. Не теперь.

– Кто настолько богат, чтобы дарить тебе подобные подарки? – удивляюсь я.

– Я… это не важно…

– Ещё как важно, Анна! – хватаю её под локоть, чтобы сестра не смогла удрать.

Пока что она ниже меня на полголовы и выглядит хрупкой, но эта бестия быстро бегает, жаль только, делает это в любой момент, но не тогда, когда

действительно надо.

– Это мужчина?

Она закусывает нижнюю губу, и эта детская привычка выдает её с головой.

– Не может быть! Ты! Да как вообще… – Я хватаю ртом воздух, заикаясь, забывая слова.

Быстро оглядывая коридор на наличие свидетелей, я тащу сестру в ближайшую маленькую комнату. Анна не упирается, покорно переставляет ноги, придерживая юбку своего нового платья. Я запираю нас изнутри в маленьком кабинете, сперва проверив, что в комнате никого нет. Здесь темно и пахнет пылью, но я не обращаю внимания, а, уперев руки в бока, отрезаю сестре путь к двери.

– Кто он?!

Анна сокрушённо вздыхает, отряхивая рукав платья.

– Его зовут Ариан, и он принц Серата.

Из моего горла вырывается разочарованный стон.

– Анна, ты же знаешь, что это ни к чему не приведёт! Да ещё и принц…

– Я знаю, что мужа у меня не будет! – вдруг огрызается сестра.

Я почти теряю дар речи, потому что сестра впервые позволяет себе со мной так разговаривать. Я даже не знала, что это в её характере. Замечает мою растерянность, её плечи никнут, а голова виновато опускается.

– Я знаю, – вновь повторяет сестра. – И всё же что плохого, если я получу хоть немного любви? Это же не запрещается…

– Дело не в запрете, Анна. Он принц. Дорога сквозь политику полна острых ножей, это может быть опасно для тебя, если кто-то узнает. Вдруг король решит, что связь с Марой порочит фамилию их семьи…

Я устало присаживаюсь на деревянный резной стул, вначале смахнув с него небольшой слой пыли. Анна подходит ко мне поближе, и я беру её руки в свои.

– Мне всего девятнадцать, сестрёнка. Я могу попытаться уберечь тебя в поле или лесах перед лицом мёртвых, но я никак не смогу спасти тебя от трясины политических игр или тем более разбитого сердца. А если ты любишь его, то оно будет разбито в тот день, когда вам придётся расстаться. Он любит тебя?

– Да, – серьёзно отвечает она.

– А ты его?

– И я его.

– Анна…

Сестра улыбается и начинает гладить меня по волосам, не таким блестящим, как у неё, но тёмным, как ночной лес.

– Не переживай обо мне, Агата. Я ещё никогда не была так счастлива. Ты бы видела его улыбку, такую очаровательную! А волосы, будто золотая пшеница, а на ощупь даже лучше, чем сератианский шёлк! Я таких ещё не видела…

Её губы растягиваются в мечтательной улыбке, а мои – в печальной. Я не знаю уже, злюсь ли на неё, беспокоюсь ли или завидую, что у моей сестрёнки всё так просто и само собой получается. И вот теперь она встретила хоть мимолётную, но взаимную любовь, а я не знаю никакой, кроме родительской, и то уже позабыла, каково это.

– Хорошо, сестра. Пусть будет по-твоему. Я не буду вставать на пути твоего счастья или как-либо отговаривать. Это не в моих силах.

Анна вся трясётся от восторга, а губы её расплываются от счастливой улыбки, и не держи я её руки, она бы закружилась от радости, но я сжимаю её ладони, привлекая к себе её внимание.

– Однако я бы хотела, чтобы ты познакомила меня с ним.

– Ты же не станешь ему угрожать? – замирает она.

– Может, только чуть-чуть, – серьёзно отвечаю я, а потом смеюсь, когда сестра верит моим словам и лицо её вытягивается.

– Но есть ещё кое-что. У меня есть условие. – Я вновь становлюсь серьёзной.

– О нет… – стонет она.

– Я ничего не скажу старшим сёстрам, если ты начнёшь нормально и усердно тренироваться.

Анна шумно и упрямо дышит, пойманная в ловушку. А я стараюсь не улыбаться слишком ехидно.

– Ладно! Хорошо! Я буду, обещаю, – сдаётся она.

– Похоже, он и вправду очень красив, раз ты так легко согласилась.

Смеясь, я уворачиваюсь от её руки, которой она явно хотела отвесить мне подзатыльник.

7

Ярат разросся.

Это стало моей первой мыслью, когда мы поднялись на последний холм и смогли разглядеть раскинувшийся город под нами. Он располагается на равнине на

северо-западе Аракена. Оглядывая ближайшую местность, я отмечаю, что ещё пару десятков лет, и столица поглотит небольшой портовый городок у залива. Тяжёлые облака не пропускают солнечные лучи, и город выглядит мрачновато. И это несмотря на высокие шпили храмов и позолоту на королевском дворце, что сейчас без ярких солнечных лучей выглядит тусклее, чем должно быть. Мы ещё достаточно далеко, и все домики кажутся маленькими, почти игрушечными, но среди всего выделяется дворец. В нём лишь несколько этажей, но здание растянуто и занимает большую территорию, а примыкающая к нему главная площадь даже отсюда кажется огромной.

Привыкшая к жизни в храме в относительном уединении, я никогда не любила большие города, а особенно столицы. В главном городе Серата я была лишь однажды, но в тот раз так быстро пронеслась по городу, что не обратила внимания ни на что, помимо мрачного главного дворца, облицованного серым мрамором. В Ярате же бывала несколько раз и не скажу, что те разы оставили после себя радостное впечатление, но уверена, что этот раз станет самым неприятным из всех.

Я перевожу взгляд на синеву Тихого залива вдалеке. Его воды всегда спокойны, потому что в бухте находятся три острова, а любые волны с океана разбиваются об их берега, успокаивая течение у материка.

– Он прекрасен, правда? – подходит ко мне Даниил, Морок отстаёт от него буквально на несколько шагов.

Они мне всё ещё не доверяют. И правильно делают. Но уж лучше пусть рядом крутится молчаливый Морок, чем капитан Дарий, который на каждую мою фразу огрызается на меня за недостаточно почтительное обращение к его высочеству.

– Кто? Ярат?

– Именно.

Вдыхая солёный воздух, запахиваю свой алый плащ.

– Город как город, – сухо бросаю я и разворачиваюсь, чтобы уйти, но, проходя мимо Морока, готова поклясться, что слышу, как он хмыкает. Из-за этого я с удивлением поднимаю на него взгляд, но спрашивать не решаюсь.

– Угораздило же меня возродить самую дерзкую из Мар, – усмехается Даниил, громко бросая мне вслед.

Мы завершаем свой путь уже после заката, когда солнце полностью скрывается за горизонтом, а небо стремительно темнеет. Мы неторопливо двигаемся по улицам столицы, а я стараюсь не сильно вертеть головой по сторонам, отмечая, как люди продвинулись в развитии за эти столетия.

При моей жизни даже в столице были деревянные дома, а сейчас они все каменные, не ниже двух этажей, а чаще всего два или даже три. Фасады простых жилых домов украшены хотя бы резными наличниками на окнах. А на домах побогаче есть лепнина. Раньше лишь главные дороги были мощёными, но теперь большинство выложены камнем, позволяя передвигаться без особого труда даже после дождей.

Лавочники накрывают тканями свои тележки, заканчивая рабочий день в наступивших сумерках. Горожане спешат домой, а замечая среди нас Морока, ускоряют свой шаг или вообще прячутся в ближайшие тёмные переулки, выбирая другую дорогу, подальше от слуги Тени. Я с интересом наклоняю голову, разглядывая приспособления, что люди придумали, чтобы продлить вечернюю жизнь города. На улицах и главной площади люди зажигают множество фонарей со свечами или вставляют факелы в специальные металлические крепления. Свет огней позволяет видеть дорогу и здания, и лошади могут двигаться по улицам города не спотыкаясь.

Площадь перед главным дворцом Аракена вымощена крупными каменными плитами, что облегчает нам путь. В воздухе звенит цокот копыт наших коней. Главный дворец столицы вытянут, но полностью симметричен и раскрашен в два цвета: белый и песочный. Он обильно украшен позолотой, пилястрами и лепными завитками. В основном здание трёхэтажное, но по центру и краям поднимаются более высокие части, а с другой стороны дворца, если они ещё сохранились, находятся обширные сады.

Я с вялым интересом оглядываю фасад здания, поднимаясь по широкой лестнице к входу. Дворец изменился, появились новые пристройки и множество украшений, а позолоты раньше и вовсе почти не было. Ярче всех сверкает символ жар-птицы на стенах. Главный символ Аракена. Именно образ этой золотой птицы на красном фоне красуется на каждом флаге в городе. Однако, несмотря на все украшения и дороговизну, я никогда не была восприимчива к богатству, а теперь любые королевские семьи вызывают у меня лишь тошноту и ком в горле.

– К королю вы потащите меня в цепях, ваше высочество? – бросаю я Даниилу, когда мы почти подходим ко входу.

Они вновь надели на меня кандалы перед тем, как мы въехали в город, оправдывая это тем, что остальные пока не знакомы со мной и всё это просто для того, чтобы не пугать жителей столицы и дворца.

– Не каждый день по улицам столицы ходит восставшая Мара, о которых немало людей и так думают как о мифе и выдумке, – тогда виновато пожал плечами принц, проверяя цепь на моих запястьях.

– Да неужели? Я почти решила, что возрождать мертвецов – это повседневный досуг вашего высочества, – хмыкнула я в ответ.

– Если каждый из мертвецов будет так же красив, как ты, то я подумаю, чтобы заняться этим на постоянной основе, – усмехнулся он, забирая победу в новом словесном раунде.

В этот раз хотя бы просто заковали руки, но этот жест моментально вернул меня в реальность, напоминая, что я марионетка в их руках, Даниил – кукловод, а остальные – моя стража. Стоит напоминать себе об этом почаще.

И сейчас я вновь тычу цепями ему под нос, наблюдая, бросит ли принц меня, скованную и в грязном плаще, как трофей, на колени перед своим отцом или сделает что-то другое.

Даниил задумчиво оглядывает меня.

– Стоит ли ждать сюрпризов от нашей дорогой Агаты? – спрашивает он Морока.

– Вряд ли. Но я бы приставил к ней охранника во дворце. Охранника, которому можно доверять.

– Точно… – Принц продолжает размышлять, а я ёжусь на холодном осеннем воздухе, переводя взгляд с одного мужчины на другого. Мне всё равно, что они решат, лишь бы решили быстрее. – Хорошо, Морок. Ты можешь идти.

Громила только кивает, не говоря ни слова спускается по лестнице, берёт своего и моего коней под уздцы и идёт вдоль дворца, вероятно, к конюшням. Я оторопело наблюдаю за ним, понимая, что с нами во дворец он не пойдёт. Из-за этого я начинаю чувствовать странное беспокойство. Хоть он и внушает ужас, но Морок стал мне привычнее за время нашего путешествия. Да и обладая схожей силой, он, так же как и я, не принадлежит этому миру. А теперь я вновь остаюсь одна среди незнакомых мне людей.

Стоит мне переступить порог, миновав огромные деревянные двери, и на меня накатывают старые воспоминания, как я проходила по богато украшенным коридорам другого дворца, громя всё на своём пути. Как коридор с высокими потолками и тяжёлые закрытые двери, украшенные золотыми растительными мотивами, стали последним препятствием на пути к моей мести. Препятствием, которое я не смогла преодолеть. К горлу подкатывает ком из злости и страха.

Сразу после входа мы попадаем в небольшой передний зал, слева двери закрыты, а справа и спереди тянутся анфилады из комнат. Также впереди чуть справа начинается широкая мраморная лестница с красным ковром на второй этаж. Я воровато оглядываю стены, от пола до потолка расписанные узорами из красных и золотых мотивов с примесью серебряных тонов, полуколонны в стенах и проёмах дверей, увитые золотыми лозами. Я поднимаю взгляд к украшенному лепниной потолку. Массивные позолоченные люстры давят, несмотря на высокие потолки. Всё как-то слишком дорого и громоздко.

– Ты права, Агата. Неправильно будет тебя тащить к отцу в таком виде. Пойдём.

Я направляюсь за принцем на второй этаж, тут он сворачивает направо в коридор. Здесь темнее, потому что нет окон, но огни свечей в подсвечниках на стенах освещают достаточно хорошо, чтобы можно было всё рассмотреть.

Пройдя почти до конца, Даниил останавливается перед резной дверью, ничем не отличающейся от пяти других, которые мы только что прошли.

– Это будет твоя комната.

Я не успеваю ничего ответить, как он распахивает двери. Непроизвольно жмурюсь от ожидания того, что это будет похоже на тюремную камеру, только в которой всё будет вычурно сверкать в золоте и украшениях. Но, к моей удаче, комната оказывается проста и выполнена в спокойных зелёных тонах с некоторыми золотыми элементами.

– И никакого красного? – приподняв бровь, смотрю я на Даниила.

– Прости, Агата, – иронично улыбается он, – но создать комнату специально для тебя я не успел. Всё красное у тебя в гардеробе. Я приставлю к тебе нескольких служанок, они помогут помыться и переодеться, а я вернусь через час.

Он мнётся, но всё-таки снимает кандалы. А напоследок кивает.

– Только прошу, не пугай прислугу, рассказывая всем, что на самом деле ты мёртвая.

– Вряд ли у меня получится открутить себе голову и сунуть её под мышку. – Я закатываю глаза, припоминая небылицы, которые теперь рассказывают о Марах.

С недоверием покосившись в ответ, принц уходит, позволяя мне нормально оглядеться. Комната небольшая, здесь есть мягкая кровать с балдахином, туалетный столик и шкаф, но зато напротив дверей целых два окна почти от пола до потолка. А светлые помещения я очень люблю. Только опять эта массивная, хрустальная люстра, которую я обхожу, боясь, что она вот-вот рухнет на меня под своим весом. Я с опаской открываю шкаф, боясь увидеть там что-то жуткое. И тут мои ожидания оправдываются. Даниил разошёлся на полную в своей любви к легендам о Марах. Среди одежды я нахожу несколько новых плащей и мантий, платья, штаны и рубашки, и всё, конечно же, в алых, белых и чёрных тонах. Я закрываю дверцу с мыслью, что надо рассказать принцу, что если я надену одежду другого оттенка, то не загорюсь. Похоже, он считает, что одежда других цветов меня прямо-таки убьёт.

Принц присылает ко мне двух милых служанок: Инну и Марину, которые помогают мне помыться и привести себя в порядок. Я не привыкла к подобному обращению, поэтому на любую их помощь отнекиваюсь, заверяя, что могу справиться сама. На что девушки лишь ласково улыбаются и игнорируют мои попытки, продолжая мне во всём помогать. Вероятно, Даниил не сказал им, кто я, потому что ни одна из них не задаёт вопросов, не сторонится меня и не боится. Хотя возможность помыться в одиночестве я всё-таки у них отвоёвываю.

– Госпожа, у вас есть странное пятно на спине. Стоит ли позвать лекаря? – спрашивает Марина, помогая мне затянуть корсет.

Инна подходит ближе и тоже разглядывает мою спину.

– Может, стоит взять другое платье? – предлагает она подруге.

– Нет, его высочество приказал надеть это, – задумчиво отвечает Марина.

– Так это его высочество приказал завернуть меня в это откровенное платье с голыми плечами? – возмущаюсь я, поворачиваясь к девушкам, а те смущённо опускают взгляды.

Платье безумно красивое, алый оттенок чуть более тёмный, чем обычно. Подол и широкие, длинные рукава украшены золотыми нитями и кружевом, а корсет – россыпью жемчуга и рубинов. Не помню, чтобы я когда-либо надевала что-то настолько дорогое и настолько откровенное. На мой вкус, в районе декольте не хватает как минимум сантиметра ткани, а плечи полностью открыты, отчего мне хочется прикрыть непривычную наготу. Принц решил выставить меня как какую-то дорогую куклу, ещё и приказывает нарядить во что пожелает. От моей закипающей злости меня отвлекает Инна, которая слегка касается пальцами кожи на спине, и я вздрагиваю.

– Простите, госпожа. Просто это пятно…

– Что там такое?

Я поворачиваюсь спиной к зеркалу, чтобы увидеть тёмный, почти чёрный отпечаток на спине в районе лопатки. Он отдалённо, но напоминает ладонь.

Прикосновение Тени. Метка, что связывает нас с Мороком. Здесь он коснулся меня, чтобы оживить. Я вновь ёжусь от этих мыслей, а потом стараюсь ободряюще улыбнуться служанкам.

– Это лишь моё странное родимое пятно, не обращайте внимания. Его можно скрыть волосами. Так что будет достаточно, если мы просто их расчешем.

Видно, что девушки мне не особо верят, но спрашивать больше не решаются. Как я и прошу, они расчёсывают мне волосы, оставляя их рассыпаться по спине. Также мне подвели глаза сурьмой и улучшили цвет губ и лица при помощи пудры и краски для губ. Здесь, на туалетном столике так много различных коробочек и баночек, что я даже не решаюсь притрагиваться к ним, не зная, для чего большинство из них. В то время, как девушки действуют уверенно, подбирая оттенки к моему наряду. В итоге я окидываю себя в зеркале взглядом, и мне нравится то, что я вижу.

– Вы очень красивая! – расплывается в улыбке Марина.

– Это только благодаря вам, спасибо.

– Нет! Вы сама красивая, его высочество принц Даниил обязательно оценит.

– Его высочество может засунуть свою оценку себе… – Я осекаюсь, замечая недоумение на лицах собеседниц, и быстро натягиваю вежливую улыбку. – Конечно, ему понравится.

Уже понятно, что он любитель коллекционировать красивые побрякушки. А меня, похоже, он считает частью коллекции.

Стоит мне о нём подумать, как дверь распахивается, но в неё входит не принц, а четверо охранников.

– Прошу прощения, нам приказали проводить вас в главный зал.

Четверо вооружённых мужчин против меня одной, когда мне даже острых шпилек для волос не дали? Может, Даниил считает, что я могу кого-то убить гребнем для волос?

На всякий случай я бросаю взгляд на туалетный столик, с грустью отмечая, что щётка для волос круглая и без острых краёв.

– Ведите. – Я тяжело выдыхаю и, подняв юбку, иду вслед за двумя охранниками, пока остальные двое сопровождают меня сзади.

До главного зала мы идём не меньше пяти минут. Он также располагается на втором этаже, но мы двигаемся в противоположный конец дворца и немного петляем по коридорам, отчего я теряю ориентацию в пространстве достаточно быстро. Когда стража распахивает передо мной светлые двери, безмолвно приглашая войти, я выпрямляюсь, чинно складываю руки в районе живота и вхожу под звуки затихающих разговоров и стук собственных каблуков по идеально отполированному деревянному полу.

Главный зал оказывается большим и просторным помещением, уверена, именно здесь проводят балы и основные праздники. Стены украшены скульптурами и сверкают позолотой, потолок покрыт фресками, и повсюду множество золотых подсвечников, свет от которых умножает блеск золота. Почти вся стена справа – в огромных окнах, которые чередуются буквально через каждый метр. Вероятно, днём здесь очень светло, но сейчас на улице тёмная ночь, а из-за полупрозрачных золотистых занавесок я не могу разобрать, куда выходят эти окна.

Я отмечаю накрытый для ужина стол у одного конца зала справа от меня. Слева в другом конце располагается небольшое возвышение с массивным, богато украшенным троном, на котором сидит Дмитрий Рахманов – нынешний король Аракена. Одного взгляда на него достаточно, чтобы заметить, что правление страной сильно подкосило его здоровье и осталось ему недолго. Его когда-то светлые волосы, густая борода и усы уже почти полностью поседели, и как ни скрывай, легко угадываются залысины, уходящие к вискам. Красный с золотом мундир ему велик – он явно теряет вес в последнее время, – и это ещё больше придаёт ему возраст. Светло-карие глаза подёрнуты пеленой, и весь его вид говорит об усталости и сонливости, когда он скучающе склоняет голову на свой кулак, облокотившись на подлокотник. Вокруг стоят ещё три красивых трона, но меньшего размера, вероятно, для его наследников. Ближайший занимает миловидная молодая девушка в нежно-розовом платье. Её светлые волосы вьются в тугие локоны, заплетённые в свободную косу, и оставшиеся мелкие завитки у лица придают ей ещё больше очарования. С другой стороны чуть поодаль стоит Даниил и о чём-то увлечённо разговаривает с темноволосым

молодым человеком. Принц, как и я, привёл себя в порядок после дороги, надев свежий тёмно-красный мундир. А его собеседник одет в простой чёрный кафтан. Они одинакового роста и схожего телосложения, и это единственное, в чём они похожи, в остальном они полные противоположности во внешности.

– Брат! – Девушка первая обращает на меня внимание и поднимается с места, когда я прохожу по залу и приближаюсь к ним.

Даниил так увлёкся разговором, что не сразу замечает моё появление. Он и его собеседник переводят на меня взгляды. У темноволосого молодого человека зелёные глаза. Это я успеваю отметить, пока он оценивающе оглядывает меня с ног до головы, потом хлопает Даниила по плечу и отходит назад, исчезая где-то в тенях за троном. Принц едва ли замечает это, потому что неотрывно смотрит на моё платье. И надеюсь, что не на декольте.

Я перевожу взгляд на короля, который, моргнув несколько раз, наконец концентрирует своё внимание на мне. Тогда он встаёт. Прямо, с гордо поднятой головой. Я рада, что в нём ещё есть стержень. Договариваться с немощным стариком было бы сложно. Среди присутствующих я не вижу лишь старшего принца Николая.

Даниил спускается ко мне навстречу, но я приподнимаю руку, желая, чтобы он вернулся на своё место. Мары жили в глуши, но мы были обучены придворному этикету, поэтому я с лёгкостью делаю реверанс перед королём, и он одобрительно кивает. Даниил с удивлением смотрит на меня, а потом возвращается наверх, вставая у своего трона по другую руку от отца. Теперь, когда они все рядом, я прекрасно вижу их родство и схожие черты. У всех троих светлые волосы и светло-карие глаза.

– Добро пожаловать в Ярат, Мара, – начинает король.

– Благодарю, ваше величество.

– Должен признаться, когда сын предложил идею твоего воскрешения, я был настроен отрицательно. А потом и вовсе скептически, что такое возможно. Но мне пришлось рассмотреть этот вариант, после того как все прошлые идеи с треском провалились.

Король и его наследники садятся, а я продолжаю стоять у подножия лестницы. Я до сих пор так и не знаю, ради чего они меня подняли. Слишком серьёзные хлопоты, чтобы попросить меня убить пару упырей. Поэтому хоть король и делает паузу, ожидая от меня какой-то реакции, но я отвечаю ему молчанием.

– Что ж. Ты уже знакома с моим сыном Даниилом. А это, – он указывает на девушку, – моя дочь – Елена.

– Очень приятно, принцесса, – слегка склоняю я голову.

– И мне, Мара. А точнее, Агата, верно? – У неё мелодичный голос, наверное, именно такой и должен быть у принцессы. – Брат много о тебе говорил. И я должна сказать, что удивлена и рада. Ты замечательно выглядишь.

– Вы ожидали увидеть разлагающийся труп?

– Что ты, просто… хм… думала, может…

– Ничего страшного, я сама ожидала увидеть следы разложения, когда впервые смотрелась в зеркало. И была удивлена не меньше вас, Елена, когда их там не оказалось.

Принцесса слегка смущается и кивает. Я перевожу взгляд обратно на короля Дмитрия, который выглядит всё более утомлённым, и решаю покончить с любезностями, чтобы мы могли быстрее закончить этот разговор. К тому же я сама устала.

– Это всё очаровательно, но ваш сын так мне и не рассказал истинную причину того, ради чего я здесь.

Дмитрий бросает вопросительный взгляд на Даниила, а потом вновь поворачивается ко мне.

– Дело в моём старшем сыне – Николае. Месяц назад его отравили.

– Он мёртв? – выдавливаю я через несколько мгновений повисшей тишины.

– Слава богам, что нет. Николай – мой главный наследник. Всю жизнь я растил и воспитывал его, чтобы после себя во главе страны поставить сильного правителя, который продолжит поднимать Аракен после моей смерти, помогая возродить былое величие страны после бесконечных войн и стычек с Сератом. И закончит уже эти распри. Но всё бесполезно, если он умрёт!

Значит, король и принц Николай против затянувшейся войны с соседним государством. Голос короля становится раздражённым, я бросаю быстрый взгляд на Даниила, но, судя по виду, его никак не трогают слова отца о том, что его и не рассматривают как достойного претендента на престол. Принц расслабленно разглядывает убранство зала, принцесса Елена продолжает сдержанно улыбаться, глядя на меня.

– Вы планируете заключить перемирие с Сератом?

– Что? – с недоумением моргает король.

– Мир. С Сератом. Вы планируете его? – стиснув зубы, медленно повторяю я.

– Теперь нет никакого мира, Мара! И не будет! Я пытался, – разочарованно вскидывает руки Дмитрий. – У меня была договорённость с Алексеем Ласнецовым о браке между Еленой и его сыном. Но Алексей, к несчастью, умер, а этот мальчишка – Северин – ЖЕНИЛСЯ, НАПЛЕВАВ НА НАШ УГОВОР!

Я поджимаю губы, наблюдая, как едва заметно скривилась Елена.

– Но скажи мне, Мара! Разве я НЕ БЫЛ ДОБР, ПРОСТИВ ЕМУ ЭТО?! – Король продолжает повышать голос, опуская кулак на подлокотник.

Я не вздрагиваю, понимая, что Дмитрий не злится на меня, он просто взбешён поведением этого Северина. Король даже смотрит куда-то вдаль, поверх моей головы, говоря об этом.

– Уверена, вы были добры, ваше величество.

– И я всё равно предложил ему перемирие, если он избавится от своей невесты и возьмёт Елену! Я дал ему второй шанс, а он его ОТВЕРГ! Знаешь, какое

оправдание дал мне этот юнец? – Король наклоняется вперёд, с презрением выплёвывая последнее слово.

– Нет, ваше величество.

– Он сказал, что ВЛЮБИЛСЯ! – Дмитрий вновь опускает кулак и теперь так неожиданно повышает голос, что Елена вздрагивает и даже съёживается.

Я лишь продолжаю наблюдать за реакцией каждого. Отмечая, что Даниил хоть и притворяется, что особо не слушает, но губы его сжимаются в тонкую линию, а карие глаза становятся холодными и отстранёнными. Тогда я перевожу взгляд в сторону, чувствуя мимолётное движение в тени, далеко позади королевской семьи. Это вновь тот темноволосый, что говорил с Даниилом. Похоже, принц ему доверяет, раз молодой человек остался здесь при столь деликатном разговоре.

– Разве вам это не на руку, ваше величество? – спрашиваю я.

– Что? – вновь опешил король.

– У Ласнецовых кровь предателей, уж кому как не мне об этом знать. – Я вскидываю голову, упрямо смотря в глаза короля. – Не стоило даже обещать им принцессу. Их слова ничего не стоят, хотя вы сами уже в этом убедились. Вы планировали, что, заключив мир, добьётесь для Николая стабильной позиции на троне. Но с чего вы решили, что брачные узы остановят Северина от внезапного нападения на Аракен? Было бы даже хуже, если бы свадьба состоялась. У них всегда был бы рычаг давления на Николая в лице Елены.

– Он бы не посмел, – тихо выдавливает Дмитрий.

Я склоняю голову набок, холодно улыбаясь.

– Я тоже так когда-то думала о принце Серата. И теперь посмотрите на меня и вспомните, где и почему я умерла.

– Так всё, что говорят, – правда? И причина… он и вправду так поступил?

– Да, я слышала это из уст самой жертвы – моей сестры. Видела, когда… она истекала кровью на моих руках.

– Ужасно, ужасно… – тихо повторяет Дмитрий, потирая бороду.

– Я говорил тебе, отец, что и отравление Николая – их рук дело. Найденных доказательств тебе было недостаточно? Они знают, что я для них не соперник, – встревает Даниил.

– Значит, вы считаете, что Николая отравил Серат?

– Да, Агата. Мы нашли серьёзные зацепки, даже отравителя, который во всём признался, – кивает Даниил.

Устав держать руки перед собой, я расслабляюсь, поправляя юбку.

– Тогда что же вы хотите от меня?

– Помоги вылечить Николая, – отвечает король.

Я хмурюсь, обдумывая его слова.

– Вы просите меня продлить ему жизнь?

– Да.

Я сжимаю губы после того, как у меня непроизвольно вырывается усмешка. На лице всех троих появляется замешательство.

– Вы вряд ли сами понимаете, о чём просите, – начинаю объяснять я. – Когда мы увеличиваем срок жизни, то его время будто замирает с этого момента. Поэтому, если продлевать жизнь старику, то он не станет вдруг моложе. Просто его старость растянется, и чары не будут давать ему умереть естественной смертью до определённого момента. Если Николай сейчас в плохом состоянии и я продлю ему жизнь, то он ещё очень долгие годы будет мучиться от отравы в его организме, будет не в силах умереть. – Я вижу, как с каждым моим словом они бледнеют, они явно не знали, как работают эти чары. – В каком он сейчас

состоянии?

– Он… без сознания, – тихо отвечает принцесса.

– Тогда он в таком состоянии и останется. Пока кто-то не решит из милосердия проткнуть ему сердце мечом.

Повисает тяжёлая тишина. Давая им мгновения подумать, я смотрю в огромные окна, пытаясь в темноте рассмотреть очертания сада или других зданий.

– Однако… – прерываю я, когда Даниил уже открывает рот, – я могу попробовать укрепить его жизнь, что позволит ему прожить то, что ему было отведено изначально, как будто его никто и не травил. Для этого мне нужно взглянуть на него, чтобы понять, с чем я имею дело и есть ли у него хоть капля надежды.

– Конечно! – соглашается король, воодушевляясь, по залу проносится вздох облегчения.

– Но что получу я?

Все трое замирают, вероятно, позабыв, что меня сюда привели, а не пригласили.

– Свободу, – отвечает Даниил.

Свободу?

Я смеюсь. Весело, как после удачной шутки. Не помню, когда я в последний раз так хохотала. Хоть члены королевской семьи и напрягаются, но прерывать меня они не торопятся, дожидаясь, пока мой смех утихнет сам собой.

– И как вы планируете даровать мне свободу, принц Даниил? Свободу в могиле, из которой меня подняли?

– Мы дадим тебе не только свободу, но и жизнь, и месть, а также столько золота, что тебе хватит до конца жизни.

Чем больше Даниил обещает, тем мрачнее становится моё лицо. Меня раздражает, с какой лёгкостью он обнадёживает, способный лишь на последнее из всего списка. Всё веселье испаряется, когда я перевожу мрачный взгляд на короля.

– Длинный список наград за попытку разбудить вашего сына.

– Не только за это. Всё это ты получишь, если поможешь нам отомстить Серату за отравление принца. Раз мне не удалось завершить эту войну миром, стоит попробовать закончить её одним ударом.

– Вы хотите использовать меня как наёмника? Никто не смеет предлагать такое служительнице богини Мораны.

– Никто НЕ СМЕЛ такое предлагать, – возражает король. – И разве собственная смерть не сняла с твоих плеч эти обязанности? Разве сама богиня не бросила тебя, оставив в сырой земле, вместо того, чтобы забрать к себе?

Справедливо. Но я всё равно сжимаю зубы от раздражения.

И только Даниил задаёт правильный вопрос:

– Разве ты не хочешь отомстить Ласнецовым?

– Хочу, – вяло уступаю я.

– Ты не только получишь свою месть, но и, убив Северина, положишь начало миру между странами.

Я молчу, размышляя над предложением, а потом возвращаюсь к старому вопросу, не давая пока им своего согласия, но и не отвергая сразу.

– Как вы планируете подарить мне жизнь?

– Морок.

Когда до меня доходит смысл, я с неподдельным шоком смотрю принцу в глаза, пытаясь разглядеть намёк на шутку на его лице, однако он серьёзен.

– Он никогда на это не согласится, – тихо выдыхаю я.

– Уже согласился.

Я слышала об этом особом даре Морока. За свою жизнь они могут один раз, лишь один, вернуть жизнь мертвецу, полностью оживить его. Но это опасное колдовство. Они отнимают от себя часть своей собственной жизни и отдают другому. После этого они уже не столь сильны, как раньше. От других Мар я слышала истории, что Морок применял эту способность редко и чаще всего отдавал часть жизни родственнику или любимому человеку. Какой смысл отдавать что-то столь ценное незнакомцу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/arden_liya/mara-i-morok

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити